

Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Найти слова

Рассказы о творчестве

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2012

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-4
Н 20

Найти слова: рассказы о творчестве / составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – 84 с., ил.

Александр ГОЛОВКОВ

К СЛОВУ О КРИТИКЕ

Послушал я выступление одного не старого, но уже маститого писателя. Критиковал он нашу литературу современную. Он стоял на высокой трибуне и говорил, отвлекшись от аудитории и обратив к небесам глубокомысленный взор. Кстати, литература – это не только то, что издается, но, главным образом, то, что пишется и читается. Так вот...

– Надо, – говорил он, – писать так, чтобы свои произведения не стыдно было читать на могиле.

Тронули меня его слова. Все сомнения рассеялись. Лишь одно осталось: не стыдно ли читать на могиле? И решил я провести эксперимент. Сложил в «дипломат» свои рукописи, сунул томик Чехова на всякий случай от скуки и поехал на кладбище.

День выдался тёплый. На счастье никого в этот день не хоронили, не поминали. Так что никто не мешал. Тишина на кладбище стояла гробовая. Вынул я рукописи и стал думать, что же можно прочитать из этого вслух, чтобы усопших не обидеть? Я перебрал все свои рассказы и понял, что ни один из них нельзя читать здесь. Становилось скучно. Даже тоскливо. Каково живому человеку на кладбище? Тогда я достал припасённый томик Чехова, открыл его наугад и стал читать первое попавшееся место. Рассказ назывался «В ландо». Читаю и чувствую – не стыдно. Да уж не такой Чехов писатель, чтобы за него краснеть приходилось. Хоть память предков грех беспокоить по пустякам... Но только я так, читая, подумал, как могилы зашевелились, надгробные плиты, памятники задвигались, оградки закрепились. Жутко. Стали из могил покойники вылезать – кто в чём, у кого ещё не всё сгнило, кто без ничего – голый скелет. Не вытерпели. Вылезли и – ко мне. Лица у них всех постные. Я, конечно, испугался. Но и любопытно было: какое впечатление на бестелесные души классика производит? И стал я бледными губами шевелить дальше.

Окружили меня убогие, слушают, молчат. Вижу, интересно им: кто это на кладбище художественную литературу читает? Я стал паузы делать между абзацами, думал, спросят чего-нибудь. Но они зубы стиснули и молчат упрямо. Дочитал я до конца, жду, в какую сторону Фортуна повезет.

– А что, неплохо, – сказал, наконец, один свежий тип. Костюм на нем был новый и держался прилично. – Мне, знаете ли, при жизни не довелось этого почитать. Спасибо товарищу за содержательный визит.

Он улыбнулся. Но другие были настроены без всякой иронии.

– Ты зачем писателей позоришь? – напрямик спросил меня труп постарше.

– Так ведь классика, – я сунул книжку за пазуху.

– Так что, это для мёртвых что ли написано? – вмешался совсем дряхлый скелет, одни пустые глазницы. – Зачем нам, покойникам, суетные истории? Жаль, что Чехов не на нашем кладбище. Он бы тебе...

Кровь во мне остыла, и дыхание пропало.

– А мои рассказы вас устроят? – всё же сумел осведомиться я.

– Голова твоя, – скелет постучал костяшками пальцев по черепу. – И что за манера у вас пошла – писать бессмертные произведения ни для кого конкретно, а так, для вечности, не помня о живых людях, о своих современниках, с которыми вы бок о бок трётесь повседневно? Мёртвым не нужно ничего. Пишут для живых людей, для детей, чтобы воспитать новое поколение. «Такова, братие, сия дивная повесть, написанная во славу божию, а читающим на пользу, старым людям на послушание, а молодым людям в поучение и поощрение, воинам на храбрость, а древним на память», – выдал он цитату из Сибирской летописи.

– Бить будете, – догадался я.

– Будем, – с оптимизмом откликнулись восставшие из могил.

Тут я поспешил прервать эксперимент. Ноги у меня устали стоять. Я захотел немедленно заняться оздоровительным бегом. Ветер свистел в ушах, и я не слышал, догоняли меня или нет.

С тех пор я всем советую не привлекать покойников к общественной жизни.

ЭТОТ СЛАДКИЙ ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ

Кругом были небо и земля. А между небом и землёй было оно. Оно не висело и не лежало, но было здесь, он это чувствовал. Он смотрел налево, направо, вдаль... Кое-что он видел. Но остальное ускользало за горизонт.

– Чудно.

Он решил подойти к нему с другого конца. Шёл, шёл, шёл... а конца не было.

– Странно.

Он попытался его объять, распростёр руки, сгрёб в охапку. Что-то в этом было. Но не всё.

– Интересно.

Он его понюхал – пахло сладко. Попробовал съесть – горько.

Он в него плюнул, оно вlepило ему пощечину. Он бросил в него камень, в ответ оно больно ударило палкой. Он поднялся на ноги, потер шишки и сказал:

– Хорошо.

Он пробовал его возвысить – оно присохло к земле. Он пробовал его втоптать в грязь – оно восстало.

– Что же ты такое? – спросил он.

– А что такое ты? – спросило оно.

Он улыбнулся – оно посветлело. Он нахмурился – оно потемнело.

Так.

Тридцать три года он его вычислял, прежде чем понял, что это бессмысленно.

– Ясно, – сказал он. – Это оно. Оно такое. Как я сразу не догадался? Вот оно какое, бытие наше.

НЕ СМЕШНОЙ РАССКАЗ

– Как тебе понравился мой новый юмористический рассказ?

– Это не смешно.

– Почему?

– Потому что в жизни так не бывает.

– А как бывает в жизни?

– В жизни всё бывает смешнее.

– Смешнее, значит, хуже?

– Смешнее, значит, лучше!

– Так это и прекрасно, что в жизни бывает лучше, чем в рассказах.

– Да, печальнее, когда в рассказах лучше, чем в жизни.

– А если в рассказе – как в жизни?

– Тогда вдвойне не смешно.

ТПРУНЯ

ИХ БЫЛО ТРОЕ...

Их было трое. Уже три часа они сидели в комнате. Часы начали бить. Кто-то сказал:

– Есть идея! Давайте напишем рассказ про нас!

Они долго мучились над первой строчкой, и, наконец, выдавили:

Их было трое. Уже три часа они сидели в комнате. Часы начали бить. Кто-то сказал:

– Давайте работать!

– Давайте, – откликнулся другой. Возможно, он считал себя самым умным и поэтому постоянно генерировал идеи. – Только побыстрее!

– Та-ак, – забарабанил пальцами самый скептический из них, – быстренько-быстренько, – он явно намекал на известный тройке анекдот.

Тут неожиданно погас свет. По столу, натываясь на предметы, зашарили руки.

– Где зажигалка? – раздался высокий зловещий голос.

– Откуда я знаю, – откликнулось из темноты.

– Должен знать! Она же у тебя в руках была.

Что-то с металлическим звоном прокатилось по столу и гулко упало на пол. Когда зажигалка была найдена и строптивый выключатель укрощён, и свет вновь залил комнату, то обнаружилось, что на столе нет большой железной пепельницы. Она была на полу, рядом громоздились окурки.

– Хи-хи-хи, – ехидно засмеялся Коммуникатор. – Добаловались ребята, – добавил он, стараясь незаметно вытереть руку о штаны. Но он был тут же разоблачён и привлечён.

Когда инцидент был исчерпан, а пепельница водворена на место, Генератор томно произнёс:

– Может, чайку, то, господа? Может, чайку попьём?

– Причём здесь «то»? – возмутился Коммуникатор. – Напиши просто: «Может, чайку выпьем, господа?»

– Хм, – скептически пожал плечами Генератор, презрительно сморщив нос. – Да ну, так не пойдет. Вот «Чайку, то, выпьем» – это да-а. Вы, не чувствуете модернистского приёма, это же ново и оригинально.

– Модернист... – желчно процедил Коммуникатор.

– Новатор... Ты нас со своим новаторством в гроб загонишь, – подлил масла в огонь Скептик.

– Да-а, с вами далеко не уедешь. Ретрограды! И это наша передовая интеллигенция, и это наши мозговые аристократы. Цвет нации!

– Да. Цвет нации, я не боюсь этого слова. Не будем скромными, надо знать свою цену.

Страсти накалялись. Почти по Матфею. Но тут раздался голос:

– Кушать подано!

Мгновенно распри были забыты. Все гуськом устремились на кухню.

– Где тарелка? Вот тарелка...

Они положили на тарелки кучи яств и начали есть.

– Ну, что там у нас дальше по сценарию? – спросил Генератор.

– Трапеза, – шевеля ушами, ответил Скептик.

«Они навалились на еду, сало потекло по подбородкам.»

– Ну, зачем это? – сказал Скептик. – Идиотизмом занимаемся. Есть надо, а то все едят. – И он принялся за еду.

– Они приходят по ночам, а есть-то когда-нибудь надо! – вдруг трагически прошептал Коммуникатор.

Тройка дружно захихикала и тут же подавилась. Когда все прокашлялись, красный как рак Генератор спросил:

– А ты писать-то это будешь?

– Отвяжись, – ответил Скептик, сосредоточенно жуя, и выставил на всеобщее обозрение фигу.

– Может, чайку попьём?..

– Хлеба бы...

– Тряпку дай... У меня на лист картошка упала... Сам вытри... Чернила

не размажь...

– А я уже всё съел, – раздался ехидный голос, и опять Коммуникатора.

– Работать-то будем или нет? Раз всё съел, так бери ручку и пиши.

Коммуникатор схватил ручку и склонился над засаленным клочком бумаги.

– Что писать-то? – спросил он.

– Приехали.. – сказал Скептик. – Здравствуйте, девочки!

Тут с руководящими указаниями влез Генератор:

– Да не так пишешь! Ниже тире надо ставить. Поставил? А вопросительный знак? А «спросил он»? Та-ак, хорошо, теперь «приехали». А теперь пиши «Здравствуйте, девочки!» Ну что тут непонятного?

– Гррм... Пора с этим кончать. Этот модернизм нас далеко заведёт, – сказал Скептик, прихлёбывая чаёк. – Давайте, господа, в старом добром стиле, начнём с начала: «Их было трое».

– Шиш с маслом! У меня есть великолепный кусочек, вот с него и начнём, – сказал Коммуникатор

– Ну, давайте...

– Пойдёмте, господа, – Скептик зловеще сверкнул глазами, – посмотрим твой кусочек.

– Подожди, мы ещё чай не допили.

– На том свете допьёшь.

– Этого записывать не надо, – сказал Генератор.

– Надо, надо, – желчно закричал Скептик.

– Ну, ладно, записывай, – согласился Генератор.

– Господа, мы так никогда не кончим, – сказал Коммуникатор. – Давайте по новой.

И они начали по новой.

Их было трое – в этой наполненной полумраком комнате. Сигаретный дым стлался над столом, на котором беспорядочной грудой лежали папки, книги, листы бумаги.

Громко пробили часы, вот уже третий раз с того момента, как они собрались. Магнитофон, загнанный в угол стола, жалобно играл песню «История любви».

– Какая прелесть, – меланхолично сказал Коммуникатор, отрывая голову от потёртой клеёнки.

– Давайте работать, – простонал Генератор.

– Опять – быстренько-быстренько? – ядовито осведомился Скептик. – Уже один раз попробовали, целых два листа набредили.

– А хорошо получилось, не правда ли, товарищи, – мечтательно сказал Генератор, – модернистские приёмы так и светят.

«А хорошо получилось, не правда ли, товагищи, – мечтательно сказал Генератор, – модернистские приёмы так и светят», – записал Скептик

вечным пером китайской ручки. – Опять уклонизмом занимаемся, – сказал он.

– Дайте посмотреть-то, что хоть набредили, – произнёс Коммуникатор, беря два листка, исписанных мелким скептическим почерком.

– Ничего не выйдет, – Генератор вырвал из его рук листки и спрятал их в папку. – Это только отвлекает. Давайте работать!

И пока Скептик с Генератором записывали всё предыдущее, Коммуникатор со скучающим видом пускал к потолку дымные кольца. Он явно и безнадежно закурился.

– «Я шагнул в прихожую и зажёл свет. На полу лежал Олаф Андварафорс. Он был явно и безнадежно мёртв», – процитировал на память отрывок из известного произведения Генератор.

– Братцы! – возопил Коммуникатор. – Давайте бросим эту ерунду и напишем что-нибудь серьёзное! Вечно нас заносит куда-то не туда. Уже два начала загубили.

– Давайте тогда над Стасом поработаем, – ехидно предложил Скептик. – Как-никак новый роман.

– У меня есть мощная идея насчет структуры произведения, – устремив в окно горящий взор, сказал Генератор.

А там, за окном, в чёрной безликой бездне, разметав на тысячи парсеков свои звёздные рукава, медленно вращалась Галактика. Он смотрел за окно и видел, как из раскалённого пульсирующего ядра выплескивались гигантские потоки вырожденного дозвёздного вещества и тут же застывали, соприкасаясь с ледяным дыханием Вселенной. И на это нельзя было смотреть без содрогания, этого нельзя было понять и от этого мутило.

– Да-а, классно бредишь, – сказал Скептик, поставил точку и, посмотрев в окно, увидел ряд светящихся за деревьями окон на здании детского сада.

Коммуникатор тоже было хотел посмотреть в окно, но перед ним мигмом задёрнули шторы, однако он успел заметить... Впрочем то, что он успел заметить, он решил держать при себе.

– Господа, может, всё-таки вернёмся к Стасу? – спросил Коммуникатор.

– Ближе к телу, – донеслось из дымного облака над местом, где обычно располагался Скептик.

– Товарищи, ну нельзя же так, – сказал Коммуникатор. – Давайте вспомним нашу идею. Во Вселенной существует только одна тенденция...

– Хватит трепаться, и так известно, что одна.

– А может, две или даже три, – вставил Скептик.

– Я точно знаю, что четыре, – расставил точки над «и» Генератор. – Это тебе не хухры-мухры, двадцатый век.

– Ладно, ближе к телу. Что там у нас насчет структуры?

– Заколебали вы меня с этой структурой, – сказал Генератор. – Раньше я вам хотел сказать, а теперь ничего не скажу. Выпутывайтесь сами. Посидите, потрепите, а я послушаю.

Тут слово взял Коммуникатор:

– Ну, ладно, хватит заниматься ерундой. Пишите, сударь, пишите...

Голос за кадром: «И он выдал кусок из Стаса».

«Отдающая ржавчиной пыль скрипела на зубах. Было жарко и душно, и хотелось уткнуться во что-нибудь холодное или забраться в холодильник.

Стас, с трудом передвигая ноги, тащился по дороге. Неудобные, с чужой ноги, сапоги натёрли огромные мозоли, и каждое движение причиняло сильную боль. Проклиная всё на свете, он продолжал шаг за шагом продвигаться по направлению к поселению.

Солнце палило немилосердно, раскалённый ветер гонял по дороге маленькие смерчи, и горизонт тонул в колеблющемся мареве. Голая плоская, как стол, равнина сливалась с небом, и казалось, что дороге не будет конца. В вышине плавно описывала круги какая-то птица, в придорожной пожухлой траве стрекотали насекомые.»

В то время, как Коммуникатор, нервно ходя по комнате, диктовал срывающимся от волнения голосом, стол окутало сизое облако табачного дыма, из которого доносились следующие звуки, как-то: скрип пера вечной китайской ручки и возгласы типа: «Ну, дает!», «В этом что-то есть!», «Да-а-а».

Но тут в Коммуникаторе что-то сломалось, и он потерял мысль, но двое остальных не дремали; с ходу подхватив её, они продолжили:

«Неожиданно Стас услышал нарастающий шум мотора и, оглянувшись, увидел, что его нагоняет огромный оставляющий за собой длинный шлейф пыли грузовик. Стас отошёл на обочину и поднял руку, но грузовик, не сбавляя хода, пронёсся мимо, обдав его облаком пыли и вонючего бензинового дыма. Кашляя, чихая и поминая нехорошими словами такую жизнь, Стас снова выбрался на дорогу и снова потащился вперёд, чувствуя, что если он в течение часа не доберётся до какого-нибудь жилья, где можно будет утолить жажду, то скоро его почерневший, замумифицированный труп найдут в придорожной канаве и, возможно, даже доставят в город на предмет опознания.»

– Нет, господа, так продолжаться больше не может, – сказал Коммуникатор и на его зубах скрипнула отдающая ржавчиной пыль. Ему было жарко и душно и хотелось уткнуться лицом во что-нибудь холодное или забраться в холодильник.

– Пить... – прохрипел он. – Ради бога, дайте мне воды.

– Вода в унитазе кончилась, – ядовито откликнулся Генератор.

Коммуникатор безнадежно уронил голову на руки и не заметил, как позади него проклинаящий всё на свете Стас, наконец, вышел к жилью и теперь жадно глотал воду из запотевшего стакана.

У Коммуникатора уже было начался переходный возраст из этого мира в тот, когда подали чай, разогнавший стынущую в жилах кровь Тройки.

– Пустим же влагу небесную по периферии телесной, – воспрянув духом, провозгласил Коммуникатор.

И влага потекла. Она обтекала грудь Стаса и кружилась у него за спиной небольшими водоворотами. И, чтобы двигаться в этом бурном потоке, Стас был вынужден наваливаться на него всем своим телом, держа автомат над головой. «Чёрт бы побрал этих водохлёбов», – думал он, отплеываясь.

Коммуникатор выплюнул последнюю чайнку и, потянувшись, сказал:

– Хватит чай гонять, пора за работу браться. Надоел мне этот Стас, давайте займёмся чем-нибудь другим. У нас же были другие идеи.

– Можно, – протянул Скептик.

А в это время за их спинами Стас пускал последние пузыри, но никто не подал ему руки. Тройка развивала ДРУГИЕ идеи.

Голос за кадром: «И они написали маразм следующего содержания».

«Как нам известно, человек – венец творения.

И вот в один прекрасный день на всей Земле остался один-единственный человек, Венец, так сказать. Впрочем, на других планетах тоже осталось по одному Венцу. И однажды, не мудрствуя лукаво, эти Венцы вступили друг с другом в связь... телепатическую. И по прошествии некоторого времени они дообщались до того, что все, за исключением одного, вымерли, но это в данной области пространства. Кстати, в других областях эволюция тоже не дремала...

Процесс нарастал лавинообразно и вскоре появился один Венец творения – ГОСПОДЬ БОГ.

Господь сидел в центре Вселенной и чувствовал себя очень одиноким и чем-то даже обделённым. Единственное, что его развлекало, – это наблюдение за поведением трёх неугомонных индивидуумов, корпящих над бумагой в тесной прокуренной комнате. Но поскольку индивидуумы постоянно грызлись, как пауки в банке, то Господу это надоело, и он обратил и свой взор на созерцание небесной тверди, одновременно внимая музыке хрустальных сфер. Ни к селу ни к городу ему вспомнилось забытое выражение: "Дорогой хрусталь, шаркая о стену, издает дешёвый звук..." Аминь!»

– Ну-у, товарищи, опять нас классически пронесло, – занял Скептик.

– Да-а, этот рассказ мы явно не опубликуем, – поддержал его Коммуникатор.

– Будь спок. Всё будет о'кей, – оптимистично пророкотал Генератор, но как оказалось вхолостую, так как немедленно последовало идиотское замечание Скептика:

– Как же – как же, слышаны.

– Господа, может пора кончать с этим рассказом? – спросил Коммуникатор.

– Сейчас закончим, вот только штаны подтяну, – немедленно сказал Генератор.

– Как только так сразу...

– Действительно, надо кончать, а то затянулся наш рассказ, – опять

проныл Коммуникатор.

– Кстати, как только ты это сказал, мне сразу вспомнилось интересное выражение: «Пошла бабка на базар покупать мочало, эта сказка хороша, начинай сначала».

И они, стиснув зубы, на которых скрипела отдающая ржавчиной пыль, собрали всё своё мужество и выдержку в кулак и начали сначала:

«Их было трое...»

Валерий КОЛОТВИН

МИР НА ХОЛСТЕ

Сны настигали его под утро. Настигали, как преследователь настигает жертву. Они терзали его душу, переворачивали всё его существо, эти рваные обрывки страшного бреда или прекрасной мечты. Нет, это были не просто сны, пусть даже яркие и цветные, нет, это были целые куски чьей-то жизни, смонтированные в необъяснимой последовательности. И так всё в них было объёмно, глубоко и до удивления реально, что он, подброшенный неистощимым зарядом эмоций, который они несли в себе, вскакивал с постели и бросался к мольберту. Работать! Работать! Работать! Он изматывал себя, выкладывался весь, до конца, пытаюсь передать на грубой поверхности холста хотя бы осколок того прекрасного, что всё ещё жило и трепетало в нём. Всё в эти минуты было против него: и непослушная кисть, и краски с их блёклыми и такими ненатуральными тонами, но больше всего формы – расплывающиеся, непослушные, никак не желающие укладываться в те границы, которые он стремился им определить. Он боролся, ломал сопротивление материала, ломал с трудом, с болью, в каждом мазке оставляя кровь своего сердца, свои силы, свою жизнь. И материал отступал, ломался, подчинялся его воле. Но лишь на время. Всё начиналось сначала буквально через мгновения. Восторг удачи сменялся отчаянием. Злость, негодование охватывали его, и он снова бросался в бой, уже чувствуя, как силы покидают его, как подкашиваются ноги. Эта смертельная схватка кончалась только тогда, когда он уже валялся с ног, не в силах больше держать кисть в руках. Но и враг его, к тому времени тоже обессиленный, затихал. И он, добивая его, накладывал последний завершающий мазок, падал на подушку и проваливался в небытие. И только днём, проснувшись от яркого света или шума улиц большого города, он, боясь увидеть и разочароваться, не глядя подкрадывался к картине. На него, живой и реальный до мельчайших подробностей, благоухающий свежей, ещё не высохшей краской, глядел глубоко врезанный в холст огромный блистающий мир.

НАЙТИ СЛОВА...

Настроение было не так, чтобы очень, а вернее и вовсе никак. Сломанный каблук – вещь, конечно, поправимая, но, во-первых, неизвестно когда, а во-вторых, совершенно точно неизвестно за сколько, да и профессор сегодня решил, что мечтательный взгляд студентки – признак: а) безнадежной глупости; б) витания в облаках; в) полного незнания материала, так как данное витание происходит почти исключительно на его (профессора) семинарах и лекциях. То, что светлый туман не исчезал даже во время довольно толковых ответов, наводило на мысль о какой-то аномалии.

Витают... его бы так...

Герой привязался совершенно неожиданно, в переполненном шумном автобусе. Ко второй остановке я уже довольно коротко сошлась с этим забавным и очень серьезным парнем, а к середине третьей лекции появилась и Героиня. Потом лектор стал говорить быстрее, и эти двое остались наедине: им надо было познакомиться, а мне – разобраться в вопросах исторической грамматики. В итоге у них там что-то возникло и срочно запросилось на бумагу... Дело оставалось за малым: найти слова.

Слова – существа странные. Их в любой дряни обитает великое множество, как микробов или молекул, но превратить их броуновское движение в стройность озвученных форм... Кому это дается с ходу – пусть бросит камень, счастливое создание.

Возвращаясь из института, я уже всерьез задумывалась: а не прихлопнуть ли парня метеоритом (вещь вырисовывалась вполне фантастическая)? Но жаль было идею, да и смысла не имело: всё равно оживёт и будет шататься в голове бродячим сюжетом, пока не найдёт куда приткнуться, а у меня и так подобных привидений хватает. Особенно весело по вечерам, когда они начинают выть и жаловаться, бедняги. Тогда ни строки, ни мысли...

Герой оказался весьма настырным, он набирался смелости у Героини, скромно стоявшей за его плечом, и требовал воплощения, но у меня были свои дела. Я, правда, рискнула пересказать сюжет подруге, надеясь разрешить одно затруднение. Ответ получила прямо-таки гениальный:

– Не мучайся, устрой им бурную ночь. Герой будет всецело за.

Я вздохнула. Да, так можно убить не то, что двух, а целую роту зайцев сразу, только мне не хотелось без особой нужды лезть в личную жизнь героев. Пусть остается за рамками. Надо будет – Эммануэль из Героини сделаю, но это будет и другая Героиня, и другая история... А с этой историей у меня пока полная чушь выходила.

Оставалось ждать Музу.

Муза – полуночница, так что утренняя лекция о здоровом сне мне гарантирована, но что поделать?

Итак, в пятом часу мой кухонный стол был довольно живописен. В центре композиции – я. Сюжет крутился, как белка в колесе, цепляя случайные факты, какой-то мусор пустых эмоций, а я сквозь всё это пыталась прорваться. Герой протестовал: он не хотел уже участвовать в этой авантурной истории, он подбрасывал всё новые мотивы и сцены, рисовал что-то бесспорно заманчивое, но совсем не связанное с моим замыслом. Герой явно хотел жить долго и, главное, спокойно.

Всё, что мне требовалось от сегодняшней ночи, – это лишь увязать одну милую сцену со всем предыдущим текстом (который я уже устала переделывать). Перекроила, как всегда, раз на двадцать, и ни один вариант не понравился (тоже дело обычное). Наконец, что-то стоящее прорезалось, и я бодро отстучала текст, но перечитав его, ужаснулась количеству личных местоимений, чтоб их! Растерянно огляделась и увидела... Музу.

Она сидела на краешке стола, задумчиво глядя в окно, как ученик на скучном уроке. Очень маленькая и совсем на Музу не похожая, только за спиной болтались пегие крылышки. Я молча вынула лист из машинки и протянула Музе:

– Это что за халтура?

Муза, ничуть не удивившись, прочла и согласилась:

– Да, действительно... – лист медленно упал на пол. Пожав плечами, предложила: – Ну, начни так...

– Постой, – возмутилась я. – Ты чего это мне диктуешь, ты меня вдохновлять должна, между прочим!

– Пятый час, между прочим, – передразнила Муза и добавила: – Не спится ей...

– А что это за крылышки? – не удержалась я от вопроса.

– Так... порхала тут над одним... фантазёром. Лиру им подавай, танцы при Луне, видите ли.

Я невольно вспомнила представления некоторых авторов и посочувствовала:

– Да...

Толку, впрочем, от моей Музы не было.

– А потом, ты ведь подумай! Что я должна делать, ты знаешь? Я мысли ваши должна с наезженной колеи сворачивать. Со словами – это уже ваши проблемы, а не мои! – разорялось мифическое создание. – Ну зачем ты сегодня позвала, а? СЛЮ-ВА! Идеи, в лучшем случае... а!.. – махнула она рукой.

С нехорошим предчувствием я спросила:

– И часто ты так диктуешь?

Муза что-то пробормотала и, не оборачиваясь, побрела в коридор, где исчезла, растворившись в воздухе.

...Часы отбивали восемь, но поздний зимний рассвет, даже если и был, не мог пробиться сквозь замерзшие стёкла. Не было ни огня, ни испотанных в гневе листов, только пачка тетрадей сиротливо и испуганно сжалась в мусорном ведре. Надо было уже собираться. Натянув рукавицы, я открыла входную дверь и увидела, что окно в подъезде открыто: в тёмной раме вальсировал снег. Вились, уходя в небытие, строки прекрасного плагиата.

Евгений ГРЕП

ДОМ НА КРАЮ СВЕТА **(Сказки)**

ПРОЛОГ

Этот дом стоял возле самого края света. Вернее, был поселок, но в нашем повествовании он почти не будет участвовать, потому что дом держался обособленно, отгораживался невысокой горой и заросшими пустырями, на которых некогда стояли его собраты.

Был дом старым, трёхэтажным, сложенным из потемневших от времени брёвен. В единственном подъезде аж до самого чердака вздымалась скрипучая деревянная лестница с широкими ступенями.

От дома, отделённый заросшей дорогой, сплошной массой отходил тёмный и таинственный лес. Простирался он до самого края света...

Жили в доме обычные люди.

Витя и Наташа – молодая супружеская пара. Витя был преуспевающим поэтом, рассылал свои стихи в разные журналы и, почему-то, получал за это гонорары. Наташа нигде не работала, потому что в их семье ожидалось прибавление...

Санька и Игорёк – братья-двойняшки. Жили в доме вместе со своими родителями. Они внешне ничем не отличались друг от друга, а внутри были совершенно разными. Чтобы отличить одного от другого, достаточно задать им один вопрос и посмотреть, как они будут отвечать. Игорек отвечает солидно, вдумчиво, а Санёк смущается или говорит какую-нибудь глупость...

Дед Корней и бабка Марфа – успели уже сильно состариться, но держались молодежavo. Сына они вырастили, женили, и теперь он работает в крупном городе, на крупном заводе крупным специалистом. И тоже растит сына Феликса и дочь Дашу. Иногда сын (который деда Корнея) приезжает проведать родителей, но нечасто, потому что крупный город далеко от края света. Приезжает один, но в это лето он поступил по другому, и кое-кто приехал с ним...

Ещё нужно не забыть Валеру. Валера – писатель, но неудачник. Его нигде не публиковали, так что работать приходилось в посёлке, в

столярной мастерской, где он, по странному стечению обстоятельств, был электриком.

Валентин Андреевич – когда-то работал геологом и всю страну исколесил в экспедициях, однако теперь он вышел на заслуженный отдых, но не уgomонился. Окрестные леса исхожены им вдоль и поперёк. Жаль, что в нашем повествовании, он упоминается только вскользь...

И ещё два жителя, обитающих на чердаке. Чёрно-пушистый умудрённый опытом кот Лентяй, любящий поспать на солнышке, и серо-полосатый Мурзик, дон Жуан, заводила всех поселковых кошачьих сборов.

Кажется, все?.. Нет, был ещё один жилец в доме у края света, но о нём позже...

1. КТО-ТО БРОДИТ ПО ДОРОГЕ

Ранним утром на крыльце дома сидел Феликс. Он ничего не делал, а просто сидел и глядел на отделявшую лес от дома дорогу и размышлял.

То, о чём он размышлял, было сугубо личным, и мы не станем на этом останавливаться, чтобы не смущать мальчика. Скажем только, что были в его думах чьи-то большие прекрасные глаза с длинными ресницами и светлая грусть от несовершенства мироздания.

Они с папой только что приехали к деду погостить. Дед Корней принял их с радостью, а бабушка накормила до отвала пирожками. Это всё было вчера, а сегодня Феликс встал, разбуженный странной тишиной.

Весь дом спал, а Феликс сидел на крыльце и размышлял...

Вдруг взгляд его, прикованный к дороге, заострился. На дороге кто-то был.

Кто-то шёл сюда.

Был этот Кто-то не высокий и не низкий, с добрыми глазами, усталыми движениями, одетый в пыльную штормовку, пыльные джинсы и пыльные сапоги.

Когда Кто-то уже совсем подошёл сюда, стало понятно, что Феликсу он незнаком. Ну, ни капельки!

– Можно, я с вами рядышком посижу? – попросил Кто-то, и мальчик не понял, какой у него голос – хриплый или тонкий?

– Пожалуйста!.. – Феликс спешно подвинулся, хотя крыльца хватило бы на десять неизвестно кого и ещё осталось бы место для маленького слона.

Прекрасные глаза немного отделились, мироздание тоже подумало, что Феликс пока обойдётся без него. Мальчик разглядывал Кого-то, а Кто-то разглядывал его.

Неизвестно кто снял фуражку. Да-да, у него была пыльная фуражка с многолучевой звёздочкой вместо кокарды. И сказал, чтобы поддержать разговор:

– Ветренный сегодня день, не правда ли?

Это была неправда, но Феликс подтвердил:

– Действительно, даже листья срываются...

Удивлённый ветерок, мирно струящийся вокруг дома, сначала притих, потом обрадовано побежал хвастаться к родителям.

Кто-то спросил:

– Вы не будете против, если я закурю?

Вообще-то, курить рядом с детьми нельзя. Это вредно для здоровья, но Феликс разрешил:

– Курите, пожалуйста...

Он хотел спросить: «А кто вы?», но вместо этого произнёс:

– А вы откуда?

Кто-то в это время раскуривал огромную капитанскую трубку. Раскурил, пыхнул клубом дыма в сторону от Феликса и похвастался:

– Ямайский!.. – ещё раз пыхнул. – Откуда я? Кажется... – он посмотрел на солнце. – С запада?.. Да-да... точно с запада.

– И как там у вас, на западе, дела? – осторожно поинтересовался Феликс.

– Помаленьку... Небо прохудилось...

Феликс округлил глаза.

– Как?!

– Ну, да, – подтвердил Кто-то. – Звезда оторвалась – вот такая дырка осталась! А из неё ка-ак хлынет... А чинить некому... – Кто-то вздохнул.

– Почему? – удивился Феликс. – А как же Смотритель Неба?

Кто-то махнул рукой:

– А-а... Смотритель на небо забрался, а звезду забыл. Хотел слезть, но лестница упала.

– И никто не поднял? – не поверил Феликс. – Не может быть!

– А как ты её поднимешь, если она на тысячу кусочков? – возразил Кто-то.

Пока они разговаривали, ароматный табачный дым змейкой вился к небу. Феликс подумал, что, наверное, этот дым достигает западного небосвода и щекочет нос Смотрителю. И тот, бедняга, мучается, ведь свою трубку он, наверняка, оставил на земле, рядом с упавшей звездой...

Кто-то докурил. Спрятал трубку в карман и строго пояснил:

– Вообще-то курить вредно. Но мне можно – я за новой лестницей иду. Тем, кто идет за новой лестницей, – тем можно...

Он встал и надел фуражку:

– Спасибо за ваше прекрасное крыльцо – на нём было очень удобно сидеть. Пойду я, а то Смотритель уже второй день без завтрака, обеда и даже без ужина. Как бы он там все звёзды не съел...

Неизвестно кто повернулся и зашагал по дороге к востоку.

Феликс немного посмотрел ему вслед, потом опомнился:

– Подождите!.. А как вас зовут?..

Кто-то остановился и оглянулся:

Вообще-то моё имя Кто-то, но иногда меня называют Неизвестно Кто...

Кто-то ушел совсем, а Феликс остался на крыльце – размышлять о прекрасных глазах, несовершенстве мироздания и несчастном Смотрителе Неба. Как он там два дня без обеда?..

2. О ТВОРЧЕСТВЕ И О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЧЕРНОВИКАМИ

Валера вздыхал: у него не получался очередной рассказ.

– Как ты так можешь? – спрашивал он у Вити. – Чуть посидел – и уже поэма...

Они сидели у Вити на кухне и пили чай. Витина жена устроилась в гостиной у телевизора. Сам Витя задумчиво позвякивал ложечкой в стакане.

– Понимаешь... – сказал он, – тут вдохновение нужно...

– Оно у меня есть... – вздыхал Валера. – Каждый вечер мучает: «Пиши!.. Пиши!..» Я пытаюсь, а всё равно... Уже вся тумбочка черновиками набита... Да и то, что получилось... не получилось...

– Нет, почему же... – Витя постарался подбодрить друга. – У тебя есть отличные вещи... Например, про плохого поэта...

– Про плохого поэта? – Валера покраснел, но Витя этого не заметил.

– Да-да!.. Я покатывался со смеху! Тебе в юмористы надо...

Валера покраснел ещё больше: он не писал про плохого поэта. Он писал про хорошего поэта...

– И откуда ты таких стихотворений понабрался? Специально выискивал?

– Нет... – ответил Валера.

Стихотворения он писал сам, но теперь об этом не скажет никому.

– Только... – продолжал Витя, – ты не обижайся... у тебя герои немного невыразительные... Как будто скелеты...

– Это специально... – пояснил Валера с грустью. – Чтобы читатель сам себе домысливал героя...

Он поблагодарил Витю за чай и пошёл к себе.

Там он вытащил все свои черновики — написанные и недописанные и долго их просматривал. Потом открыл окно и выкинул все до единого. Ветер подхватил тетрадки и понёс их, растрепав. Ниже этажом старик Корней с удивлением пробормотал своей старухе:

– Глянь, мать, какие удивительные птицы!.. Отродясь таких не видел!..

Валера постоял у открытого окна, посмотрел в ночь, потом привычно вздохнул и сел за стол. Руки сами собой подкрались к чистой тетрадке и авторучке. На нетронутый лист легли первые буквы неказистого почерка. Задумчиво поглядывая в окно, Валера писал:

«Жили на свете странные птички-тетрадки. Может, этой истории и не случилось бы, но она произошла. И виной тому стал один неумелый писатель, который, однажды, разозлившись на себя, выкинул в окно все до единого черновики...»

Кто-то стукнул по подоконнику. Валера в очередной раз глянул туда и обомлел. Поглядывая на него умными чёрными глазками, в окне сидела птичка-тетрадка...

3. «ЗАКИНУЛ СТАРИК НЕВОД...»

Дед Корней любил ловить рыбу. Правда, это у него плохо получалось.

Однако каждое воскресенье он вытаскивал из дальнего угла темнушки удочки, копал червей и шёл на речку.

Там у него было заветное место. Клева, правда, почти не было, но тишина и красота стояли знатные.

В это воскресенье он решил, что ему повезёт. Чёрный сом, который прятался в омуте, обязательно позарится на его червяка. Почему-то до сих пор он не зарился, но сегодня обязательно...

Рыбачил дед азартно, и потому сейчас, усевшись на сухую корягу, закинул удочку и стал внимательно следить за поплавком. Поплавок, казалось, заснул. Но дед знал, что хитрый сом осторожно крадётся к его крючку...

Вдруг сзади что-то засвистело, загремело. Дед сердито сдвинул брови и сказал:

– Перестаньте безобразничать!

Он думал, что это либо его внук Феликс, либо шалопаи Сашка с Игорьком. Однако совершенно незнакомый голос произнёс:

– Извините, пожалуйста... Мы не хотели...

– Ладно, ладно... – не отрывая глаз от поплавка, простил дед.

Сзади что-то залязгало, запахло дымком. Но дед решил внимания уже не обращать. Потом тот же голос смущённо попросил:

– Извините ещё раз... Мне крайне неловко вас спрашивать... Но, понимаете, у нас сломался газоанализатор... Вы не подскажете примерный состав вашей атмосферы?..

Дед вздохнул: что за день сегодня? Не дадут порыбачить. Сказал, не оборачиваясь:

– Азот... Углекислый газ... Кислород...

– А метана нет? – с надеждой спросил другой голос.

– Нет! – отрезал дед.

– Я уж и не знаю, сможете ли вы меня извинить... – совершенно грустно начал первый голос, и дед понял, что он опять сейчас что-то будет просить.

– Короче... – предложил дед Корней.

– У нас шуруп отвинтился... Нужен инструмент...

Дед отдал, не глядя, складной ножик, среди прочих лезвий имевший отвертку.

Сзади опять лязгнуло, заскрипело...

– Большое спасибо... – поблагодарил голос и вернул ножик.

Прикосновение чужих пальцев было почему-то холодным и скользким.

– Не за что... – отрешённо пробормотал дед: поплавок немножко повело. Загрохотало, загудело, засвистело, потянуло дымком... Потом стихло. Поплавок нырнул, дед подсёк и вытянул пескаря.
– Не сом... – со вздохом понял он. – Ну, ничего... Я его ещё поймаю...
Если мешать не будут...

4. КРАЙ СВЕТА, ИЛИ ТОТ, КТО ВСЁ ЗНАЕТ

Игорь и Санёк продирались сквозь лес. Если кто-то из читателей удивится: «Как так – продирались?», поясню – мужественно. Невзирая на порванные курточки и перепачканные штаны.

Время от времени Санёк, как две капли воды похожий на брата, но родившийся самую чуточку позже и потому менее решительный, спрашивал:

– А какой он, край света?

Игорёк, не прекращая продираться, задумывался, хмурил брови, как и полагается настоящему исследователю. Пояснял:

– Край света он... невиданный!

– А почему? – не отставал Санёк.

– А потому что его ещё никто не видел.

Теперь задумывался Санёк.

– Это ты у Валентина Андреевича узнал?

Игорёк кивал:

– А то у кого же? Конечно у Валентина Андреевича!

– А Валентин Андреевич видел край света?

– Нет, конечно!.. Он же невиданный!

– А откуда тогда он знает, что край света невиданный?

– Потому что он его не видел...

Игорьку надоел этот бесполезный разговор, и он стал продираться сильнее. Санёк запыхтел...

Кусты и деревья леса расступились, братья куда-то вышли...

– Это край света? – с надеждой спросил Санёк, оглядываясь.

– Нет! – уверенно покачал головой Игорёк. – Это наша речка Сардинка. Оказывается, она течёт с нами по пути...

Они пошли по берегу, Сардинка весело плескалась по правую руку, изредка донося брызги до ребят.

– А вот Сардинка... когда она дойдет до края света... она как? Повернёт? Или туда, за край потечет?

– А вот там и посмотрим...

Начинало темнеть, а край света всё ещё не был найден. Санёк не успокаивался:

– А правда, что край света обрывается?.. И что на самом краю края света сидит Тот, Кто Всё Знает?..

Игорёк нахмурился:

– С чего ты это взял?

– Валера рассказывал...
– Валера писатель, – внушительно объяснил Игорёк. – Ему полагается выдумывать...

Стемнело почти совершенно. На небе стали появляться звёзды.

– Уже близко! – сказал Игорёк Саньку.

– Почему?

– Звёзды яркие и крупные... Такое только у края света бывает!

– Это тебе тоже Валентин Андреевич сказал?

– Сам догадался...

Игорёк и Санёк шли и шли, пока, наконец, не пришли...

– Вот он, край света! – уверенно объявил Игорёк.

Вправо и влево простирался неизвестно насколько обрыв – глубочайший, дна не видать. Прямо впереди не было совершенно ничего, только небо с необычайно крупными и яркими звёздами.

Сардинка весело переваливала через край света и исчезала в бесконечной пропасти...

А рядом с Сардинкой сидел Феликс, свесив ноги с края света и болтая ими в такт своим привычным думам... А помимо думанья дум, он ещё разглядывал заполонившее собой всё небо.

Игорёк с Саньком округлили глаза.

– Ты... Тот, Кто Всё Знает?.. – полушёпотом спросил Санёк.

– Нет, я Феликс, – ответил Феликс, отвлекаясь от созерцания крайнего неба.

Игорёк с облегчением вздохнул, но спросил строго:

– А откуда ты?

– Я из того дома, на краю света...

– И мы оттуда, но что-то я тебя ни разу там не видел...

– Это потому, что мы с папой недавно приехали...

Санёк не мог успокоиться:

– Но где же Тот, Кто Всё Знает?!

– Он ушёл, – сказал Феликс, – только что...

– Жалко... – Санёк загрустил.

Братья сели рядом с Феликсом и тоже задумались, болтая ногами. Потом Игорёк сообразил:

– Так что же это выходит?! Край света уже не невиданный!

– Не невиданный... – подтвердил Феликс. – Виданный нами – и невиданный всеми остальными...

– Это хорошо... А жаль, что мы уже увидели край света. И никогда больше не увидим его в первый раз...

– А Тот, Кто Всё Знает, сказал тебе что-нибудь? – спросил Санёк Феликса.

– Сказал...

– Что?

– Что на земле сидеть вредно и что мне пора домой...

– Он тебя знает? – удивились Игорёк с Саньком.

– Конечно... Ведь он же знает всё...

5. КОТ ЗАЩИТНОГО ЦВЕТА

Валера краснел перед благодарными слушателями.

Благодарных слушателей было двое – чёрно-пушистый Лентяй и серо-полосатый Мурзик.

Валера с тетрадкой в руках сидел на раскладушке, Лентяй развалился в кресле, а Мурзик лежал на подоконнике.

Коты говорить не могли, но все понимали, и их взгляды были красноречивее любых слов...

Валера читал:

«...Жил в некотором государстве отставной полковник. Жил не бедно, но и не богато, полагаясь в основном на свою небольшую пенсию. Жил не тужил, и больше всего на свете ненавидел войну, потому что в душе всегда был пацифистом.

А на довольствии у полковника содержался кот. Не большой, но осанистый, с крупными усами и необычной окраски.

Ведь какие обычно коты? Серые, белые, чёрные, полосатые, трёхцветные... А этот был пятнистым, и не просто пятнистым, а защитного цвета. И когда люди видели полковника в форме и кота защитной окраски, они всегда говорили:

– Ах, как они друг другу подходят!..»

Мурзик на подоконнике облизнулся и всем своим видом выразил:

«Защитный?.. Кошки не поймут...»

Лентяй прижмурился:

«Против природы не попишешь... Был у меня один друг... Так тот аж в фиолетовую крапинку... И ничего, существовал... Продолжайте, Валера...»

И Валера продолжал:

«...Каждый день – в завтрак, обед и ужин – полковник наливал коту молочка в блюдечко и тот с достоинством его выпивал, но...»

«Молочко – это хороший образ... – Мурзик потянулся. – Такой яркий, белый... А как пахнет!.. У вас определённно талант...»

Валера ещё больше покраснел от смущения.

«Мурзик, перестань перебивать...» – строго попросил Лентяй, но тоже довольно зажмурился, по-видимому, и ему представился образ молочка.

И Валера продолжал:

«...но больше всего ему нравилась копчёная рыбка, которой радовал кота полковник по праздникам...»

«Великолепно!..» – Мурзик уже не лежал, а сидел и внимательно слушал, чтобы ничего не пропустить...

Лентяй лишь нахмурился на своего собрата.

И Валера продолжал:

«...И жизнь у них текла обычно. Полковник читал газеты, смотрел телевизор, а кот ловил мышей, по ночам гулял с друзьями, а в особенно лунные ночи — с кошкой Мурочкой, у которой были выразительные зелёные глаза...»

«Ах!.. Выразительные зелёные глаза!..» – повторил Мурзик.

«Мурзик!..» – погрозил Лентяй.

И Валера продолжал:

«...Но, не так давно, спокойная жизнь была нарушена, случилось то, чего больше всего в жизни не любил полковник – война. Государство ли на кого-то напало или кто-то напал на государство – это пока не выяснили, однако тут же по дорогам в самые дальние и очень близкие закоулки поскакали гонцы с повестками.

Пришла повестка и полковнику. Правительство с прискорбием сообщало о начале военных действий, о том, что на счету каждый, умеющий держать оружие, а тем более командовать полком, и что полковнику выпала большая честь послужить своей родине.

Полковник повздыхал, почистил мундир, собрал ранец и вышел за порог. Сказал коту:

– Вот и остаёшься ты один... Следи за хозяйством, а я аттестат на тебя отпишу...

Но кот не согласился. Он представил себе, как будут стонать под игом неприятеля все жители страны и их кошки, как, может быть, хозяев Мурочки выкинут из дома, как кожаные сапоги, не знающие пощады, будут заноситься для пинков... В общем, кот решил тоже немного послужить своей родине и отправился вместе с полковником на призывной пункт. Из окна соседского дома глазами, полными слёз, грустно смотрела ему вслед Мурочка...»

Мурзик всхлипнул:

«Ах!.. Как трогательно!..»

Лентяй вздохнул:

«Да... Постоять за свою родину... Было когда-то и такое... Мы, коты, тоже в стороне не стояли... Не молчите, Валера...»

И Валера продолжал:

«...Пришли полковник и кот на сборный пункт, а там сплошная неразбериха стоит. Шум, гам!.. Кто-то оружия требует, кто-то домой просится. Протиснулся полковник к одному столику, за которым пришедших регистрировали, и сказал:

– Вот... Я пришёл...

Ему очень обрадовались.

– Вы полковник? Слава богу! А то у нас целый полк без руководства от безделья мучается. Кого не назначим – не умеют. Голоса командного нету... Берите этот полк и идите в бой...

Вышел полковник на середину двора, подтянулся и гаркнул, что есть силы своим звучным голосом:

– Полк!.. Становись!..

И полк встал перед ним.

– Ружья на плечо!.. Напра... во!.. Шагом... марш!..

И пошёл полк на войну. Впереди шёл полковник в своём парадном мундире, а в ранце его прятался от посторонних глаз кот защитного цвета.

И начали воевать, доблестью себя покрывать да ранами. Кое-кого совсем списали, по инвалидности. Полковник командовал браво, грудь его стремительно заполнялась орденами. Да и кот старался: неоднократно, используя свою маскирующую окраску, пробирался он в целях разведки на позиции неприятеля. Неоднократно его преследовали злые сторожевые псы, от зубов которых у него осталось несколько боевых шрамов...

Раз попал полк в окружение, и не знал никто в армии, где он. А полковник слал гонца за гонцом, но ни один не добирался, все героически погибали... Тогда попросил полковник кота – выручай.

И выручил кот. Юрко проскользнул между пуль, плоско прополз мимо неприятельских солдат, пробрался к своим и напрямиком к главному генералу. И записку ему передал, мол, погибает полк, какие будут указания? Прочитал генерал и осерчал: как это так, погибает полк, а он ничего не знает?! Немедленно спасти!

И спасли...

А кота представили к ордену...»

«Вот это я понимаю! – мурлыкнул Лентяй. – А то все собаки да собаки! А кошки, может, умнее всякой собаки!...»

Мурзик молчал и лишь глаза его горели жаждой приключений.

«Что там дальше?..»

И Валера продолжал:

«...И война гремела, стреляла, взрывалась. Полк продолжал доблестно биться. Но заметил кот, что стал полковник как-то странно грустнеть и грустнеть, а это опасно – грустного на войне любая пуля видит. Что же случилось?»

– Плохо мне... – объяснял полковник коту. – Не люблю войну. Сражаемся, сражаемся, а солдаты гибнут и гибнут... Ордена? Что мне их, солить, что ли?.. Выручи, дружище, ты же умный!..

И задумался кот, как же остановить войну. И придумал!

Дело в том, что народ (и в государстве, и у противника), был донельзя суеверным, а что больше всего подходит для суеверных страхов? Правильно, чёрная кошка!..

Позвал кот своих братьев и сказал, что надо делать...

И началось... Только полки надумают стыкнуться друг с другом в битве, как откуда ни возьмись – чёрная кошка. И шмыг по линии фронта! Остановятся солдаты и не знают, что делать.

Генералы почесали затылки и заключили мир...»

«Ловко! – восхитился Мурзик. – На людских предрассудках сыграл!.. Молодец!»

«А чем кончилось? – поинтересовался Лентяй. – Продолжайте, Валера, уж больно хорошо у вас получается...»

И Валера продолжал:

«...Правительство повелело коту памятник поставить на главной площади государства. И каждый год, в знаменательную дату победы, лучшие художники рисовали на каменном коте пятна защитного цвета.

А полковник с котом уехали к себе и стали жить-поживать... Полковник начал писать мемуары, а кот... У него появилось целое семейство: прекрасная кошка Мурочка и пятеро замечательных сыновей-котят, папиной окраски и с маминими выразительными зелёными глазами».

Валера отложил тетрадку и робко сказал:

– Это всё...

Мурзик прыгнул с подоконника и восторженно покатался по ковру. Лентяй церемонно потерся о штанину Валеркиных джинсов.

«Знаете что, Валера, – говорил его взгляд. – Вы гениальный писатель. Не знаю как людям, а кошкам это определенно понравится. И потому у меня есть предложение – не хотели бы вы писать для кошек? Гонорар гарантируем – рыбку, молочко, мышек... Как вы на это смотрите?...»

Валера улыбнулся:

– Спасибо!.. Не надо мышек, я вам так буду писать... Хоть кому-то моя сказка понравилась...

6. ТУМАН, ФЕЯ И ВОЛШЕБНИК

В это утро Санёк встал необыкновенно рано, в восемь часов. Однако всё равно не удалось проснуться первым: когда он выходил из подъезда, на крыльце уже сидел Феликс, зевал и смотрел на дорогу.

– Ты чего... здесь? – удивился Санёк.

– Так... – Феликс пожал плечами. – Туман... Хорошо...

Действительно, белые тяжёлые клубы тумана напоздали со стороны Сардинки и постепенно укутывали окрестности.

– Ну, и что? Туман как туман...

Феликс вздохнул:

– А ты представь себе, что это небо опускается на землю... Или наоборот – мы поднимаемся на небо...

Санёк сел рядом и постарался представить. И ему это удалось!

Если не оборачиваться и смотреть только вперёд, то получалось, что они с Феликсом сидят на большом облаке, среди тысячи других. И приходило странное щекочущее ощущение полёта...

– Здорово! – восхитился Санёк. – И часто так бывает?

– Нет... Только когда туман чистый...

– А бывает нечистый?

– Бывает, в больших городах...

Туман всё прибывал и прибывал. Уже совсем скрылся лес и дорога, видимость снизилась до двух-трех шагов. И стало тихо...

Санёк немного испугался и, если бы не Феликс рядом, то давно уже ушёл бы в дом.

И вдруг... Чей-то мелодичный голос произнёс сзади:

– Мальчики, вам не холодно?..

Санёк обомлел: он не слышал ни одного шага. Феликс, не оборачиваясь, ответил:

– Нет... Садись с нами?..

– Спасибо... – поблагодарил всё тот же мелодичный девчоночий голос. – Однако лучше я пойду...

– А ты куда?

– На речку... Я так давно на речке не была!.. Пойдёшь со мной?

– Нет, спасибо... – Феликс всё так же не оборачивался. – Я лучше тут посижу...

Санёк всё это время сидел безмолвно, даже старался не дышать. Но когда мимо проскользнул и канул в тумане девчоночий силуэт, он успел рассмотреть его и вздохнул. Несомненно, это была его мечта...

– Кто она? – спросил он у Феликса.

– Она? – Феликс непонятно посмотрел на Саньку. – Она – фея... Речная.

– Ты многих знаешь...

– Ещё бы...

– А она ещё появится?

– Может быть...

– А она в речке живет?..

– Нет... Она сидит на берегу и смотрит в своё отражение...

– А можно посмотреть... как она смотрится?

Феликс пожал плечами. Санёк поднялся и шагнул в туман.

Сделав ещё пару шагов, он потерялся и оттого немного испугался. Но потом понял, что совершенно заблудиться в таком чистом тумане невозможно...

Туман вывел к речке.

Сардинка чуть слышно плескалась в своем гладком русле, песчаный берег тихо проминался под подошвами сандалий...

Скоро Санёк нашел и фею: она, действительно, сидела у небольшого обрывчика, поджав под себя ноги, и смотрелась в воду, будто видела там что-то необычное...

Санёк, неслышно ступая, подошёл и встал сзади.

С виду, если не знать, что она – фея, то её можно было бы принять за обыкновенную девочку. Вернее за необыкновенную...

Почувствовав что-то, фея обернулась, и Саньку показалось, что она посмотрела в самое сердце...

– Извините... – пробормотал он. – Я не хотел вам мешать...

– Ты мне совсем не помешал... – спокойно ответила фея.

– Можно, я рядом постою?

– Пожалуйста... Ты здесь живёшь?

– Да...

– А я – в городе...

Санек удивился:

– Разве речные феи живут в городе?

Фея с любопытством рассмотрела Санька:

– А кто тебе сказал, что я – фея?

– Феликс...

Фея засмеялась, и Санёк тоже улыбнулся.

– Феликс... Ну, шутник!.. Тебя как зовут?

– Санёк... Саня.

– А я – Даша. Я сестра этого шутника.

Тут всё встало на свои места, и Санёк вздохнул с облегчением.

– Но разве Феликс – шутник?.. Вот уж бы никогда не подумал... Он такой задумчивый... Почему он всегда такой?

– Потому что он волшебник.

Санек уже и не знал чему верить...

7. КУДА ДЕВАЛИСЬ ДЕТИ?

– Здравствуй, Валера, ты почему перестал заходить?

Это сказал Витя. Он шёл по лестнице подъезда и увидел, что дверь в комнату Валеры открыта, а сам хозяин сидит на подоконнике и что-то внимательно разглядывает.

– Тс-с!.. – Валера приложил палец к губам.

– А что такое? – заинтересовался Витя.

– Я хочу посмотреть, куда они деваются?

– Кто?

– Да дети...

Витя подошел и сел рядом. Из Валериного окна, расположенного на третьем этаже, был хороший обзор окрестностей. Обозревался весь пустырь, дорога и лесная стена...

– А они куда-то деваются?

– Да...

– Странно...

– Я тоже удивляюсь... Смотри!..

Поэт и писатель прижались носами к стеклу.

В подъезде, этажом ниже, хлопнула дверь, чьи-то шаги простучали по деревянным ступеням...

В поле зрения появился Феликс. Он ни от кого не прятался, а шёл, стегая себя сорванной возле крыльца травинкой по джинсам. Феликс углубился в пустырь и через некоторое время исчез...

– Вот, один уже делся!.. – прошептал Валера.

Потом из дома вышел Игорёк и тоже делся на пустыре... Незнакомая Вите девочка и Санёк делись в одном направлении, взявшись за руки. Кажется, в направлении Сардинки?

– Вот и всё... – Валера спрыгнул с подоконника. – Они почти каждый день так, я заметил...

– Тогда спроси их!

– Не надо, может быть это тайна?.. Тогда они будут деваться незаметно...

– Ладно... – Витя махнул рукой. – А всё-таки, почему ты перестал заходить?

– Да некогда всё... Сказки кошачьи пишу всюю...

Витя вежливо посмеялся. Потом они ещё немного поговорили, и Витя опять проехался по Валериным героям.

– Схематичные они у тебя.

– Да так и надо... Я оставляю читателю возможность додумать героя, увидеть его таким, как он хочет... Разве это плохо?..

– Не знаю, может это и хорошо...

Тут прошуршали чьи-то мягкие шаги, на пороге возник Мурзик. Его хвост изогнулся в виде вопросительного знака.

– Брысь! – сказал Витя.

– погоди, – остановил его Валера. – Вот, Мурзик, здесь ещё две сказки.

– Он подал коту тонкую тетрадку. – Лентяя устроили предыдущие?

Мурзик мурлыкнул.

– Что вы!.. – махнул рукой Валера. – Псевдоним самый подходящий, спасибо вам... Да-да, до свидания...

Мурзик исчез, утащив с собой тетрадку. Валера наконец-то повернулся к округлившему глаза Вите.

– Вот так вот... На чём мы с тобой остановились?..

8. ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ЧЁРТИК

Сумбурное выдалось это лето. Что-то непонятное творилось с погодой – то жара, то сырость с туманами по утрам, а то и вообще гроза, вот как та, что сейчас бушевала за стенами дома на краю света...

Игорёк не спал. Он читал книжку и, чтобы не мешать брату, делал это при включённом ночнике.

Вообще-то по ночам детям полагалось спать, однако Игорёк был настолько самостоятельный человек, что мама с папой давно уже махнули на него рукой и сосредоточили все свои воспитательные усилия на Саньке.

За окном одна ярче другой полыхали молнии, но Игорек их не видел. Он целиком ушёл в книжку. Названия не скажу, но, кажется, была эта книжка про пиратов, сокровища, галеоны и далекие южные моря. Зачитавшийся Игорёк проглатывал страницу за страницей.

Вдруг ночник мигнул, правда, Игорёк этого не заметил, однако затем ещё пару раз моргнул свет, и ему пришлось оторваться от морских приключений.

– Не балуй! – пригрозил Игорёк расхулиганившемуся ночнику.

– А почему? – неожиданно спросил ночник.

Игорёк опешил, потом нахмурился и объяснил:

– Потому что я читаю!

– А про что ты читаешь?

– Про пиратов...

– А это интересно?

– Интересно... – Игорёк замолчал, потом решительно заявил: – Говорящих ночников не бывает!

Голос хихикнул:

– Конечно!

– Тогда кто же ты? – удивился Игорёк. – И где ты прячешься?

– Я тут, в ночнике!

Игорёк придвинулся к тумбочке и внимательно осмотрел ночник.

– Я никого здесь не вижу.

– Я сейчас...

Спираль в лампочке вдруг вспыхнула совсем белым светом, потом мигнула и опять стала жёлтой, а почти перед самым носом Игорёка возник... Электрический Чёртик!..

Он немного напоминал шаровую молнию, однако, у той не было лапок и маленьких рожек. Чёртик уселся на край стола, несколько искорок соскочили с его спины и тут же угасли.

– Ты – Электрический Чёртик? – осторожно спросил Игорёк.

– Да, – подтвердил Чёртик.

– Ты живёшь в проводах?

– Конечно, там очень удобно. А ты живёшь здесь?

– Да, а почему ты спрашиваешь? Ты разве не знаешь, что люди живут в домах?

Чёртик вздохнул:

– Я ещё маленький и не успел везде побывать. Мама говорила: держаться от людей подальше и не показываться им на глаза. Но я всегда был непослушным, – Чёртик хихикнул.

Он уселся поудобнее и начал расспрашивать:

– Ты один здесь живёшь?

– Нет, в этой комнате ещё мой брат – вон он дрыхнет...

– Что значит дрыхнет?

– Ну... Спит.

– Спит?..

– Да, спит... А вы разве никогда не спите?

– Нет...

Они ещё немного поболтали, а гроза неистовствовала вовсю. Порывы ветра бросали клочья дождя в окно.

– Ладно, – сказал Чёртик напоследок. – Мне пора уходить, но мы ещё увидимся.

Он уже хотел было юркнуть обратно в лампочку, но не успел – свет мигнул, а затем погас. В наступившей темноте только вспыхивали молнии за окном да стрелял искорками Чёртик.

– Как же так?! – встревожился он. – Мне долго без дома нельзя!

– Совсем-совсем? – тоже встревоженно спросил Игорёк.

– Электрические Чёртики живут только пока есть ток! Мы с мамой и папой живём на электростанции... Что же мне делать?!

Но Игорёк панике не поддался, а хладнокровно оглядел комнату. Сначала он взял электронные часы Санька и предложил Чёртику:

– Может, здесь переждёшь?

Чёртик замотал головой или тем, что ему её заменяло:

– Нет, слишком маленькие батарейки!

Он слабел прямо на глазах, постепенно затухая.

Игорек сбегал в прихожую и принёс мощный фонарь – папа купил его когда-то для того, чтобы не сломать ногу, когда он ходил на ночную рыбалку.

– А это?

Он зажгёт фонарик, направив луч на стенку, чтобы не разбудить брата. Чёртик неуверенно подошёл к фонарику и залез в его маленькую лампочку, потом, довольный, выглянул:

– Очень тесно, но ничего...

Ещё два часа они провели так, тихо беседуя. Потом совершенно неожиданно вспыхнул ночник, и Чёртик собрался домой.

– А то мама с папой волнуются, – объяснил он Игорьку. – Спасибо тебе, а то бы я сейчас...

– Да ладно!.. Ты ещё придёшь?

– Наверное... А можно будет походить с тобой? – попросил Чёртик. – А то провода не везде проложены...

– Конечно! – обрадовался Игорёк. – Я попрошу папу подарить мне этот фонарик...

9. ГДЕ-ТО СВЕТИТ ОГОНЁК

Феликс проснулся поздно ночью от особенно сильного раската грома. Он сел в кровати и понял, что спать совершенно не охота.

К сожалению, света не было, в чём Феликс убедился, щёлкнув несколько раз выключателем. Пришлось сидеть в темноте.

Сначала Феликс просто думал. Что хорошо бы сделать себе крылья, взобраться на чердак, оттуда на крышу и полететь... Потом мысли перешли на Дашку. Она целыми днями в компании Санька пропадала на речке.

Молнии сверкали во все затученное небо, и Феликс стал смотреть в окно.

Интересно, а если бы сейчас в доме появилась шаровая молния? Вот было бы здорово! Феликс никогда не видел шаровых молний...

Особенно яркий разряд полыхнул где-то на самом горизонте и... не исчез! То есть не исчез полностью: осталась небольшая красноватая точка.

«Что это? – подумал Феликс. – Загорелась верхушка сосны? Или появилась звезда? Нет, на небе тучи, звезд не видно... Может, эта звезда висит ниже туч?»

Огонёк там, вдалеке, несколько раз мигнул, будто хотел погаснуть...

«Это, наверное, костёр... Ведь там лес до самого края света. Хотя, если присмотреться... Огонёк выше или ниже крон деревьев?.. Кажется, выше...»

Наверное, это Смотритель Неба. Опять полез ремонтировать что-то, и его застал дождь. И он сидит, греется у костра, а тучи его не трогают...

Феликс так и заснул за подоконником.

Днём он ходил задумчивее, чем обычно, наступил на хвост Мурзику и даже не извинился.

Следующей ночью грозы не было. В небе кружилась метель звёзд, и разглядеть среди них тот самый огонёк было практически невозможно.

Феликс пододвинул табурет к подоконнику, сел не него и стал грустно смотреть вдаль, туда, где небо сливается с верхушками сосен.

И тут огонёк мигнул! Ещё раз! И ещё! Этим он сразу обнаружил себя, выделил среди множества подобных, но совершенно равнодушных звёздочек... Феликс как замороженный следил за ним, боясь потерять...

Огонёк мигал тревожно, трепетно. Как будто сигналил о чём-то непонятном...

– Игорёк, у твоего папы был фонарик?.. – спросил утром Феликс у одного из близнецов.

– Я не Игорёк, я Санёк...

– Но, все-таки, фонарик у твоего папы есть?

– Есть. А что?

– Ты не мог бы мне его дать на одну ночь?

– Не мог бы. Папа отдал фонарик Игорьку...

– А где?..

– А Игорёк куда-то собрался рано-рано и ушёл. И фонарик взял с собой.

Феликс пришёл домой и сел на диван. Дед как раз снаряжал удочку, собираясь на рыбалку.

– Что, внук, пойдёшь со мной?.. Я знаю такое место...

Феликс покачал головой.

– Что ж ты такой невесёлый?

– Фонарик нужен...

Дед Корней задумался.

– Фонарика у меня нет, но, может, свечка подойдёт?..

– Свечка? Свечка подойдёт!

Свечка действительно подошла. Феликс поставил её на блюдце, дождался ночи и зажёл фитиль...

Вскоре на горизонте опять мигнул огонёк.

Феликс затаил дыхание и прикрыл язычок пламени ладошкой. Потом ещё раз, и ещё...

Огонёк на горизонте озадаченно мигнул. Потом опять засигналил. И Феликс сигнализировал ему в ответ...

Так повторялось потом почти каждую ночь. И главное, Феликс понял, где светит эта непонятная звёздочка-огонёк.

Она горит за краем света...

10. КРЫЛЬЯ ДЛЯ МЕЧТАТЕЛЯ

– Взлетит... – мурлыкал Лентяй.

– Не взлетит... – не соглашался с ним Мурзик.

Мимо волок большие крылья Феликс. Они были склеены из реек и обтянуты синей материей.

– А я говорю – взлетит!

– Не-а... Никто, кроме птиц, летать не может...

– Знавал я одну кошку... – задумчиво протянул Лентяй.

– Которую? – живо заинтересовался Мурзик.

– Ты её не знаешь... Такое пушистое имя – Ласка...

– Ласка... И что?

Лентяй потянулся.

– Она тоже умела летать...

– Кошка?! Летать?!

– Ага... Она была летучая кошка...

– Летучая кошка?!

Внезапно Лентяй рассердился:

– Что ты повторяешь, как попугай? Ну да, летучая кошка! Бывают же летучие мыши, значит должны быть и летучие кошки. Где есть мышки, там обязательно должны быть кошки – природа... Она всегда всё держит в равновесии...

Феликс, между тем, скрылся в подъезде и, наверное, уже поднимался по лестнице...

Мурзик сощурился на солнце и мечтательно промурлыкал:

– Интересно, а летучие мышки – они как, вкусные, или только для летучих кошек?

– Я как-то ел одну...

– И?..

– Да ничего особенного... Мышка как мышка, только с крыльями...

Тихо шурша травой, со стороны пустыря появились Санёк и Даша, остановились прямо над замолчавшими котами...

Даша осторожно высвободила руку:

– Ну, я, наверное, пойду домой... Феликса проведу...

– Что-то он какой-то грустный...

– А он всегда такой...

Тут на крыше появился Феликс с нацепленными на руки крыльями. «Что сейчас будет...», – подумал Мурзик. «А ничего не будет – полетит», – Лентяй, чуть прижмурившись, тоже глянул вверх...

Санёк задрал голову и охнул:

– Даша! Смотри!.. Феликс...

Даша округлила глаза и вскрикнула:

– Феликс, не смей!

Тот неохотно глянул на них сверху.

– Что?..

– Не смей, говорю, я дедушке пожалуюсь!..

Шевельнув крылом, Феликс повёл плечом.

– Феликс! – закричал и Санёк. – Ты же разобьёшься!

– Почему? Я же с крыльями...

– Не смей! Феликс! Я папе напишу!.. Я с тобой разговаривать не буду!..

Феликс перестал обращать на них внимание. Раскинул крылья и шагнул с крыши...

Все ахнули и зажмурились...

Наступила звенящая тишина, и в ней особенно громко прозвучал стук падения...

Даша вскрикнула и открыла глаза.

На траве возле дома лежали синие речечно-матерчатые крылья. И всё. А в небе летел Феликс. Он летел, вытянув вперед руки, и даже с земли можно было заметить, какое у него сосредоточенное лицо...

– Этого не может быть! – сказал Санёк.

– Почему же?.. – промурлыкал Лентяй. – Он мечтатель, этот ваш Феликс, а мечтатели только так и летают...

– Ты разговариваешь?! – поразился Санёк.

– Нет, конечно, коты разговаривать не умеют...

Потом наступил вечер, все ушли домой. Феликс вернулся и получил большой подзатыльник от Даши, но не обиделся: был он опять странно задумчив, что ещё больше тревожило его сестру.

А на траве, рядом с домом, размываясь в наступающей темноте, лежали синие крылья...

11. ПОГРУСТИМ НА КРЫШЕ?

На чердаке хранились всякие ненужные вещи, которые покрывала многолетняя пыль. Ещё тут жили Лентяй с Мурзиком, но сейчас их не было...

А ещё тут обитало привидение – оно-то и было тем жильцом, о котором в предисловии обещалось рассказать позже.

Привидение скучало. Потому что делать было совершенно нечего. Пугать людей оно не любило, а ничем другим заниматься не умело.

И вот так оно скучало, скучало, пока вдруг не открылся чердачный люк, и луч света не проник в темноту чердака. Привидение немного оживилось

и спряталось за сломанное пианино, на котором иногда играло по вечерам печальные мелодии.

На чердак вскарабкался мальчишка, привидение знало его – один из живущих в этом доме, Феликс.

Так вот, Феликс вскарабкался, огляделся и двинулся по чердаку. Он явно что-то искал, но в темноте не мог найти. Наконец, остановился и удивлённо произнёс:

– Я же точно видел это здесь...

«Пугнуть его, что ли?» – подумало привидение. Но не стало, лишь подлетело поближе.

Феликс обернулся и увидел его – небольшая полупрозрачная фигура в саване.

– Здравствуйте, – сказал Феликс. – Вы не видели здесь картины?

– Картины? – переспросило привидение. – А ты меня не боишься?

– Нет, конечно. Так вы не видели Её?

– Здесь несколько картин, – любезно ответило привидение. – Но раз ты говоришь вот так, с большой буквы, то я знаю, которая тебя интересует...

Привидение подлетело к большому сундуку.

– Обычно она хранится здесь, но вчера я её доставало, чтобы полюбоваться.

– Вот вчера-то я её и видел...

Феликс отвалил тяжёлую крышку, разворошил несколько камзолов, достал ржавую шпагу, микроскоп, два пистолета, огромную кожаную книгу и, наконец, завернутую в холст картину.

Мальчик развернул холст и уверенно сказал:

– Да... Это она...

Привидение зависло над плечом у Феликса, чтобы лишний раз полюбоваться красотой.

На картине была изображена девочка в длинном белом платье с грустным лицом и большими глазами. Золотистые волосы волной скатывались на плечи...

– Кто она?.. – чуть дыша спросил Феликс.

– Не знаю... – виновато пожало плечами привидение. – Когда я здесь завелось, картина уже лежала в этом сундуке. Одно могу сказать – это работа знаменитого Неизвестного Художника...

– Как она похожа... Даже глаза такие же синие...

– На кого?..

– На одну девочку...

– Твою подругу?

Феликс вздохнул.

– Мы дружили до сегодняшнего лета, а потом... Они с семьёй неожиданно исчезли... Совсем, будто и не было их... А меня папа сюда привёз...

Привидение сочувственно покивало. Потом предложило:

– Пошли на крышу? Там хорошо сегодня, не жарко...
Они выбрались на крышу и уселись возле трубы.
– Что ты больше всего любишь делать? – спросил Феликс у привидения.
– Я?.. Я люблю просто сидеть и грустить... Тогда мне становится так хорошо...
– А я люблю сидеть и мечтать...
– Тогда давай вместе сидеть? Ты будешь мечтать, а я буду грустить. И нам обоим будет хорошо...
– Давай...
С тех пор Даша, Санёк и Игорёк часто замечали, как на крыше рядом друг с другом сидят Феликс и привидение.
– Они грустят... – сочувствовал Санёк.
– Нет, они мечтают... – возражала Даша.
– Да делать им нечего... – хмыкал Игорёк.
А взрослые, как обычно, ничего не замечали...

12. СКАЗКА ПРОСТО ТАК

«Жили как-то на свете два мальчика-близнеца, и до того они были похожи, что даже родители их иногда путали. А еще на том же свете жили маленький волшебник и речная фея.

Все четверо очень дружили друг с другом, но однажды вдруг поссорились.

А случилось это так...

Один из близнецов дружил с феей, то есть, дружили-то все, а он – по особенному. Больше всего на свете мальчик любил, когда фея сидела на берегу реки и расчесывала свои длинные волосы...

А маленький волшебник смеялся над этим. То есть, так казалось мальчику...

И сказал тогда мальчик своему брату:

– Давай не будем дружить с волшебником!

– Почему? – удивился брат.

– Потому что он смеётся надо мной и вообще задавака!

– Задавака? С чего ты взял?

– Ну... Говорит, что волшебник, а сам ничего не колдует...

Перестали братья дружить с маленьким волшебником, тот сначала не заметил этого, а когда заметил – удивился:

– С чего это вы вдруг?

– А мы на тебя обиделись! – ответили братья.

– Почему?

– Задаешься сильно!

– Я? Задаюсь?

– Ну да! Ты – волшебник, а чудес не делаешь!

Обиделся маленький волшебник:

– Чудеса?! Какие вам чудеса сделать?

– А речку можешь остановить?

– Могу!

И вмиг пересохла речка.

– Ну... Это всё равно не чудо!..

И тогда ещё сильнее обиделся маленький волшебник, приколдовал обоим близнецам по длинному кошачьему хвосту и улетел на Луну, дуться.

А в это время фея пришла к речке, посмотретья в свое отражение. Увидела, что русло сухое, и всплеснула руками:

– Ах! Что же случилось с моей речкой?

Тут она заметила хвостатых близнецов, выглядевших донельзя виноватыми, и сразу всё поняла, засмеялась.

– Мальчики, сейчас же извинитесь перед ним! Пусть вернёт мне речку, а вам уберёт хвосты!

Близнецы покраснели:

– Извиняться? Ни за что!

Фея пожала плечами:

– Пфы!.. Все вы мальчишки — балбесы... Чтобы немедленно помирились!..»

Тут Валера прервался, потому что в дверь постучали.

– Да-да, войдите, не заперто!

В квартиру зашёл один из близнецов – то ли Игорёк, то ли Санёк – непонятно. За ним волочился длинный кошачий хвост.

– Извините, мы от вас лестницу к Луне приставим? А то она как раз два с половиной этажа не достаёт... А Феликс слезть не может...

– Пожалуйста, пожалуйста! – засуетился Валера. – Скажи... А этот хвост... Он у тебя давно?..

Мальчик только вздохнул.

Когда с Луны слез дрожащий от космического холода Феликс, Валера уже и сказать-то ничего не мог, только рот открывал изумлённо.

– Знаете что... – сказал Феликс, хлопая себя по бокам. – Вы всё-таки будьте осторожнее с вашей авторучкой... А то вы нас в следующий раз на Альфу Центавра закинете или в веники превратите.

13. ШАГ ЗА КРАЙ СВЕТА

Однажды картина ожила.

Девочка в белом, только что неподвижно сидевшая на стуле, вдруг ойкнула и вскочила. Феликс, как всегда с грустью разглядывавший портрет, тоже подскочил от удивления...

– Ты... кто? – спросила девочка.

– Я... Феликс...

– А что ты делаешь в картине?

– Нет, это ты в картине!

– Ничего подобного!

Они немного надулись, потом Феликс сообразил:

– Знаешь, наверное, мы оба в картинах: я – в твоей, а ты – в моей...

– Вот ещё!.. – обиделась девочка. – Очень мне нужно было залезть в твою картину. Я нахожусь в своей комнате, в своём замке.

– А где он, этот замок?

– Конечно, в королевстве моего папы.

Они потом часто разговаривали – картина прочно ожила и иногда показывала только пустую комнату, когда девочка уходила. Всё чаще девочка появлялась грустной, и Феликсу от этого становилось невесело...

– Что случилось? – спрашивал он.

– У нас всё плохо... – грустно отвечала девочка.

– Что плохо?..

– В королевстве... Дракон появился, папу с трона скинул, запер в темнице, а меня здесь держит...

– А как же войско? Разве у твоего папы нет войска?

– Есть... Только вот что странно – войско есть, а рыцарей нет... А против драконов только рыцари и могут бороться...

Один раз она была странно задумчива.

– Знаешь, Феликс, иногда по вечерам мне очень одиноко...

– Да?

– И тогда я зажигаю свечку и ставлю её на подоконник... А откуда-то издали ей отвечает мерцающий огонёк... И тогда я мечтаю, что там стоит такая же свечка, и кто-то так же сидит и смотрит в ночь... Может, там живет рыцарь, который нас спасёт?

Феликс мысленно ахнул.

– Хорошо, – сказал он девочке. – Я что-нибудь придумаю.

– Что придумаешь? Зачем?

– Чтобы спасти тебя...

– Какой ты храбрый, – это было сказано с иронией.

– А может, я волшебник?

Волшебник – не волшебник, но посоветоваться надо. И Феликс посоветовался с привидением. Привидение почесало затылок.

– Знаешь, – сказала оно, – есть способ попасть туда от нас или, наоборот, оттуда к нам. Только я его тебе не скажу.

– Почему?!

– Потому что ты захочешь им воспользоваться, а он очень страшный.

– Скажи!

– Хорошо, только дай слово, что не будешь этого делать.

– Я сейчас обижусь.

– Ладно, ладно... Способ очень простой. Нужно только шагнуть с края света.

– Что?

– И всё будет в порядке.

– И этот способ проверен?

– Не совсем... До сих пор им никто ещё не пользовался... Это очень трудно – шагнуть с края света...

И Феликс рассказал об этом разговоре девочке. Однако она только покачала головой.

– Мне страшно...

– Да ладно, главное решиться, а тут тебя встречу я...

– А мама с папой? И к тому же дракон не пускает меня далеко... Шагай ты, если такой храбрый!

– Хорошо!

Девочка тут же встревожилась:

– И не вздумай!

– Конечно, не вздумаю, – успокоил её Феликс, но сам уже решил...

Наверное, это не страшнее, чем шагнуть с крыши...

Вечером Даша нашла записку.

«Сестрёнка, – было написано рукой Феликса, – сейчас я уже нахожусь далеко и искать меня нет смысла. Дело в том, что в сердце каждого мальчика живёт рыцарь. Это лето было очень хорошим, спокойным, но нельзя же вечно так? Не могу я навсегда оставаться мальчиком, рыцарь просится на волю. Кто же знал, что для его освобождения нужно просто шагнуть с края света? Прости меня, если что-то было не так, успокой родителей. До свидания. Твой брат Феликс»

Даша сначала заплакала, а потом решила, что не всё ещё потеряно...

Феликс два раза подходил к обрыву на краю света. Одно дело просто сидеть на нем, свесив ноги, а другое – шагнуть туда. Он очень боялся, и ещё ему сильно хотелось обратно, к друзьям. Но, что поделать, если он нужнее там? Наконец, Феликс зажмурился, задержал дыхание и шагнул...

Когда к краю света, наконец, вышли ободранные Игорёк, Санёк и Даша, там уже никого не было...

– Он ушёл... – грустно сказала Даша.

– Ничего, он обязательно дойдёт! – утешил её Санёк.

– А он вернется?

– Конечно, он не может не вернуться...

Дома они сели на крыльцо. Игорёк задумчиво произнёс:

– Феликс очень любил сидеть здесь...

И они опять замолчали; молчали до тех пор, пока не появилось привидение.

– Можно, я с вами посижу?

– Можно, – разрешила Даша. – Только Феликса нет.

– Я знаю. Но вы не волнуйтесь, он дошёл. Он уже там, куда хотел попасть.

– Откуда ты знаешь?!

Вместо ответа привидение достало из савана картину. Ту самую... Ой нет, другую! Или всё-таки ту? На ней была комната и девочка в белом платье. А рядом с девочкой, как всегда задумчивый, стоял Феликс.

14. СКАЗКА О СКАЗКЕ

– Посиди пока, я сейчас вернусь.

Валера сказал это и вышел в кухню. Санёк, который пришел к нему по делу – мама послала за кастрюлей, одолженной писателю, – стал оглядывать комнату.

Комната как комната, ничего особенного, вот только огромный стол, заваленный кучей тетрадок и просто бумаг, привлекал внимание. Санёк подошёл и, с уважением к писательскому труду, взял одну из тетрадок, раскрыл и...

«Этот дом стоял возле самого края света. Вернее, был поселок, но в нашем повествовании он почти не будет участвовать, потому что дом держался обособленно, отгораживался невысокой горой и заросшими пустырями, на которых некогда стояли его собратья...»

Вот что было написано в тетрадке! А дальше? Санёк листнул страницы...

«Игорь и Санёк продирались сквозь лес...»

Интересно, а что же в конце? Санёк прочитал: «Однако тут кто-то забрал у него тетрадку...»

Однако тут кто-то забрал у него тетрадку. Рядом стоял Валера с кастрюлей в руках. Санёк покраснел...

– Читать чужие тетрадки – нехорошо, – определил Валера.

Санёк покраснел сильнее, но всё же спросил:

– А... что это?

– Это? Моя новая сказка.

– А почему в ней есть мы? Это сказка о нас?

– Конечно.

– Но почему в ней есть то, что ещё не случилось?

– Потому что вся жизнь – это сказка, записанная где-то неведомым сказочником. Тебе так не кажется?

Санёк удивился:

– Значит вы – наш сказочник?

– В некотором смысле... да.

– Но почему тогда сказка кончается на сегодняшнем дне? – испугался Санёк.

– Потому что... Эта сказка, конечно, про вас – про Дашу, про тебя, про Игорька и многих других... Но, прежде всего, эта сказка Феликса...

– И что, у него теперь не будет сказки?!

– Нет, у него ещё будет много сказок... Может, их напишу я, может – кто-то другой, а может, и никто не напишет.

– А у нас?

– И у вас будет еще много сказок. Каждый человек делает свою сказку сам.

И действительно, Санёк отнёс маме кастрюлю, и тут же с ним начались невероятные приключения – с ним, с Дашей, с Игорьком...

Однако это уже совсем другая сказка...

ЭПИЛОГ

Сказка закончилась, да и была ли она сказкой?

Дом и по сей день стоит возле края света, всё такой же старый, скрипучий, потемневший от времени. Всё так же живут в нём обыкновенные люди и всё так же происходят с ними самые обыкновенные чудеса.

Говорят, в лес перед домом часто падают звезды, и по небу над ним время от времени проходит Смотритель, а на чердаке живет привидение, иногда достающее из сундука картину и разглядывающее изображенных на ней мальчика и девочку.

А если не верите, то спросите у Того, Кто Всё Знает. Говорят, он часто сидит на краю света, свесив ноги в бездонную пустоту, и разглядывает звёзды...

Петр БУРМИН

ГОСТЬЯ

Был на исходе один из тех ясных, похожих на девичьи косынки с глубокой каемкой дней, которыми уходящее лето словно машет нам на прощание.

Знаменитый писатель-фантаст, чье имя широко известно читающей публике, вышел из калитки собственного ранчо, чтобы прогуляться в его живописных окрестностях на сон грядущий. Ему было лет за пятьдесят. Несмотря на излишнюю полноту, а может быть, именно поэтому, он выглядел довольно моложаво, что свидетельствовало вкупе с его розовыми подбородками, число которых соответствовало трём последним книгам, попавшим в список бестселлеров, о его материальном благополучии. Его яйцеобразный череп был начисто лишен волосяного покрова, однако смуглая кожа и чёрные сросшиеся брови позволяли предположить, что он принадлежал к распространённой породе brunetов. Судя по тому, как он мурлыкал себе под нос модную песенку, которую на днях передавали по кардиовизору (вижу сердцем), он пребывал в исключительно приподнятом состоянии духа.

В футах шестистах от ранчо стоял несокрушимый столетний дуб, крепко вцепившись узловатыми корнями в песчаную почву. В отличие от округлавших его деревьев других пород, он не только не растерял листвы, но был всё так же пышен и зелен, как в начале лета.

Знаменитый фантаст задрал вверх голову.

– Ишь ты, – молвил он уважительно. – Хотя ты и дерево, а умеешь внушить к себе почтение: на тебя приходится смотреть снизу вверх, словно на президента республики. – Минуту-другую задумчиво помолчал, потоптавшись на одном месте. – Ну, брат, будь здоров. Прогулка прогулкой, а дело есть дело. Меня ждёт очередная новелла, которая ни за что не оставит меня в покое, покуда я ей не придам удобочитаемый вид.

И он решительно зашагал прочь, поплотнее закутываясь в плащ, из под лацканов которого виднелась шерстяная фуфайка бежевого цвета; хотя ещё солнце светило вовсю, однако, особого тепла не было – довольно ощутимая свежесть, что свидетельствовала о близости вечерних заморозков, угрожающе подбиралась к его холёному, отнюдь не спортивному телу.

Сюжет упомянутой новеллы был навеян редакционной заметкой, которую писатель обнаружил сегодня в газете, просматривая утреннюю почту. Заметка не очень большая, и мы приведём её полностью:

«Вчера пополудни скоропостижно скончался некий Мартин Рэндолл, агент по распродаже движимого и недвижимого имущества. Труп доставлен в ближайший морг. Тщательный осмотр (цвет тела землисто-серый, живот, по свидетельству консьержки, которая хорошо знала покойного и которая нашла его мёртвым, придя по обыкновению сделать уборку в его холостяцкой квартире, необычайно увеличен) позволил врачам, устроившим спешный консилиум, предположить, что смерть мистера Рэндолла, утончённого гурмана и чревоугодника (об этом им любезно сообщила группа официантов ресторана, где столовался покойный), наступила от чрезмерного употребления пищи. Однако дальнейшими исследованиями, производившимися с помощью скальпеля, предварительный диагноз не был подтверждён: вместо кишок, набитых полупереваренной пищей, в животе мистера Рэндолла был обнаружен какой-то непонятный нарост – нечто пульсирующее и трепещущее, напоминающее куриный зародыш в насиженном яйце, только в десятки раз крупнее. Врачи заявили, что им ничего подобного в своей практике встречать не доводилось. Таким образом "загадка Рэндолла", как окрестили в медицинских кругах этот случай, стала еще более загадочной, чем до вскрытия. Одно лишь несомненно – это болезнь и, судя по всему, болезнь чрезвычайно опасная. Опасная прежде всего тем, что методы борьбы с нею науке пока неизвестны, как неизвестна она сама. Впрочем, профессор Профьюмо, известный патолог, уже сегодня, по-видимому, кое о чём догадывается. Он полагает, что человечество столкнулось с фактом существования неведомой формы жизни, возможно, пришедшей извне... Исследования продолжаются...»

Эта редакционная статья полностью войдёт и в будущее произведение нашего знаменитого писателя.

– Это придаст моей новелле сугубо документальный характер, – вслух размышлял он. – Впервые в истории фантастики фантастическая вещь об-

ретёт силу реалистического звучания... поскольку на этот раз я намерен делать ставку не на вымысел, а всего лишь на домысел, что далеко не одно и то же... Только домысел, свойственный всякому художественному произведению...

Однако закончить мысль ему не удалось – помешал оглушительный треск, неожиданно раздавшийся за его спиной.

Фантаст быстро обернулся. Дуб исчез. На останках поверженного дерева – горстке необычайно белого пепла – лежала обнажённая ослепительно красивая женщина. В её пышных светлых волосах тлела дымящаяся головешка.

Писатель снял с переносицы очки и тщательно протёр их носовым платком; затем, водрузив их на место, нерешительно приблизился к новоявленной Еве.

– Вы не пострадали, девушка? – осведомился он дрожащим от волнения голосом, стараясь смотреть в сторону.

Женщина лениво подняла голову. Улыбнулась.

– Здравствуй... землянин, – буднично произнесла она, неспешно поднимаясь на ноги.

– Здравствуйте, – ответил фантаст на приветствие незнакомки, в словах которой, судя по всему, он не заметил ничего необычного. – Я только что тут проходил, любуюсь ландшафтом... но вас не видел... Вы, наверное, были где-то поблизости?..

– Что значит "только что"?

– Ну... минут десять назад.

– В это время я была в системе Центавра.

Она спятила от страха, – решил про себя фантаст. – Бедняжка! – Однако виду не подал.

– Ты ошибаешься, землянин. Помешательство тут ни при чём.

Она читает мои мысли! – ужаснулся писатель. – Впрочем, и это свидетельствует о том же: говорят, некоторые душевнобольные предрасположены к телепатии. В таком случае он должен быть снисходителен к ней.

– Вы хотите сказать, что вы – инопланетянка?

– Я это уже сказала.

– Гм... Вы из Центавра, конечно?

– Нет. Моя система находится значительно дальше.

– А как она называется: Вега, Сириус, Альдебаран, Орион, Плеяды, Туманность Андромеды?..

– Каваалаф.

– Где это?

– В совсем другой Вселенной. О её существовании ваши ученые даже не подозревают.

– С вашим аппаратом, на котором вы прилетели, конечно, случилась авария, – усмехнулся фантаст, будучи уверенным, что последует утвер-

дительный ответ, – и он взорвался в момент финиша? Так как же, я угадал, девушка?

– Нет.

– Тогда вы мне его покажете?

– Ничего такого, что ты имеешь в виду, у меня не было.

– А как же Каваалаф, что "в совсем другой Вселенной"? – весело съехидничал знаменитый писатель, полагая, что наконец-то припёр к стенке липовую инопланетянку.

Но «липовая инопланетянка» не чувствовала себя припёртой к какой бы то ни было стенке.

– Я была излучена одной из разновидностей электромагнитной субстанции, – сообщила она небрежно, словно речь шла о покрое заурядного платья, которого ей сейчас не доставало.

– Что это такое? – осведомился фантаст.

– Состояние материального вещества, которое мы именуем синтосинным эффектом.

Писатель озадаченно помолчал некоторое время.

И вовсе она не помешанная, эта Ева, которой для полного сходства с прародительницей человечества не хватает лишь фигового листа и могучих рубенсовских бедер, – отметил он про себя. – Скорее всего – это одна из моих особенно настойчивых поклонниц.

А вслух сказал:

– На этом самом месте, где мы с вами столь мило беседуем, только что стоял огромный столетний дуб. Горсточка пепла и несколько дымящихся головешек – это всё, что осталось от древесного великана. Чем вы объясните эту метаморфозу?

Женщина не заставила себя долго ждать с ответом.

– Финишный стопор синтосинного эффекта – наиболее надёжного способа перемещения биологических тел в пространстве, – как правило, сопровождается небольшим энергетическим разрядом, способным причинить некоторые местные опустошения.

– У вас, девушка, завидное воображение...

– Речь идет об ординарном будничном акте.

Писатель перекошил рот, с трудом подавляя зевоту.

Похоже, сказка не имеет конца, – подумал он с раздражением; сам, будучи большим мастером рассказывать небылицы, он не любил выслушивать их от других.

– Скорее всего, эти «опустошения» произошли в результате падения болида, – решительно возразил он. – Тем более что ожидается массовый выпад Леонидов...

Между тем наступил вечер. Солнце внезапно исчезло за горизонтом, словно жёлтая монета в прорези тотализатора. Длинные тени от деревьев выросли в голубоватые сумерки. Свежесть, что напоминала о заморозках, стала ещё более ощутимой. Писатель слегка поёжился.

– Простите, девушка?! – спохватился он, торопливо стягивая с себя плащ. – Вот недотёпа!.. И вы тоже хороши... Так и воспаление подхватить недолго...

Женщина этот несколько запоздалый жест заботы о себе приняла как должное.

– Ну ничего, сейчас вы согреетесь в два счета, – пообещал известный фантаст, когда они вошли в ранчо. – Отведайте коньячку, – засуетился он, усадив гостью в глубокое кресло подле журнального столика. – Это отличное средство от простуды. На здоровье...

Но женщина от коньяка отказалась. Отмахнулась она и от холодных закусок, которые предложил ей гостеприимный хозяин.

– Что ж, настаивать не стану, – уступчиво сказал он. – Тогда – в постель! – добавил он тоном, не допускающим возражений. – Вот так. Тёплое верблюжье одеяло тоже многого стоит; иногда оно полезнее хорошего вина. Отдыхайте, девушка. А я пойду поработаю. Писатели... эээ... они не принадлежат себе...

Через час-полтора фантаст вернулся в спальню.

– Как твоя работа? – встретила его гостя.

– Не сдвинулась с места.

– Что так?

– Столкнулся с взаимоисключающими противоречиями, которые никак не мог преодолеть.

– Именно?

– Видите ли... Согласно замыслу моей новеллы на Землю вторгаются самки из какого-то экспансивного недоброго мира. Это клювастые членистоногие чудовища, с фасеточными, похожими на мозаику глазами. С помощью острого, как меч, яйцеклада химеры вспарывают одиноким мужчинам животы, забираясь к ним в постели на правах любовниц, и откладывают яйца... Тут-то вот и загвоздка...

– Я ничего невозможного здесь не вижу.

– Ну как же... Для того, чтобы обольстить убеждённого холостяка, существо крайне привередливое, инопланетянка должна обладать, прежде всего, привлекательной внешностью... – безнадежно объяснил фантаст.

Женщина очаровательно улыбнулась.

– Ну и пусть себе обладает.

– А как же химерическая физиономия?

– Её легко устранить при помощи образной телепатии. Другими словами, используя принцип телепатической проекции, чудовище может принять внешность, соответствующую представлениям о красоте того, кому оно надумало понравиться.

Фантаст мгновенно воспрянул духом.

– Вы спасли мою новеллу! – воскликнул он голосом утопающего, которого вытащили из омута на берег. – Так я и сделаю. – Он помолчал. – Вы умная девушка, – добавил он, решив, что женщина заслуживает

комплимента. – И красивая. – Он присел на краешек кровати. – А ваши как дела? Согрелись? Вот и прекрасно... Меня тоже что-то знобит немного... – Его лысина густо покраснела. – Если вы не возражаете...

Она не возражала.

Хозяин ранчо смущённо улыбнулся.

Стянув с себя полосатую пижаму, он не спеша и деловито повесил её на спинку ближайшего стула, шлепанцы поставил так, чтобы при необходимости можно было влезть в них прямо с кровати...

И тут начало происходить с ним нечто странное и необъяснимое... Сперва это случилось с пижамой, со стулом и шлепанцами; непостижимым образом они вдруг превратились в тончайшее платье, редкой работы кресло, изящнейшие туфельки, усыпанные алмазами и рубинами. Внезапно пришло ему в голову, что все это – его вещи, что он – царская невеста, готовящаяся к первой брачной ночи. Зеркало подтверждает его догадку: перед ним статная писаная красавица с чёрными длинными волосами, осиной талией и маленькими ножками; там же, на амальгаме, были отражены тяжёлый балдахин, и широкое ложе, на котором возлежал прекрасный юноша, томящийся в ожидании новобрачной.

Царская невеста оборачивается назад и действительно видит балдахин, ложе и скучающего аполлона; затем она с решимостью отчаявшегося человека бросается в жениховы объятия: уж если невозможно обойтись без этой злополучной ночи, тогда пусть она наступит быстрее...

Тотчас последовал сокрушительный удар в живот. Прежде чем навсегда погрузиться в небытие, писатель-фантаст испытал один из тех смертных ужасов, коими будущий покойник так любил припугнуть своих ни в чём не повинных читателей, – он видит истинное лицо инопланетянки, в чьё существование до сего рокового мгновения отказывался поверить: из глубины очаровательной маски, исполненной с помощью образной телепатии, на него враждебно и холодно смотрело членистоногое клювастое чудовище...

Надежда ДВОРЦОВА

ЕЩЁ РАЗ О ГЕРОЯХ

Герои книг, несомненно, существуют. Реально. Родившись в сознании автора, они влияют на воображение читателя. А среди читателей обязательно есть будущие авторы. И герой продолжает жить в их книгах, почти без изменений перескакивая из повести в роман, из романа в рассказ и так далее, от автора к автору, меняя только имена, эпохи, причёски, одежду и другой антураж. Лицо и фигура самого-самого главного героя знакомы всем читателям «женского» романа, «фэнтэзи», боевика, многих исторических и детективных произведений. Ну что же,

не будем ломать традиции. Воспроизведём этого героя и мы, да и отправим его прогуляться по рассказику. Итак, что мы имеем в наборе...

Конечно же, пронзительные серо-голубо-зелёные глаза. В зависимости от обстоятельств они должны менять цвет. Ну, понятно, что не на красный, хотя почему бы и нет? Разумеется, чётко очерченный рот (надеюсь, не помадой, хотя почему бы и нет) и волевой подбородок. Описание лица обычно заканчивается густой копной волос, хотя здесь возможны и другие варианты. Но наш герой будет рыцарем, так что всё-таки копна, без вариантов. Копна густых, чуть вьющихся белокурых... ой, извините, пожалуй, русых волос. Будем скромнее. Фигура... о, фигура нашего героя просто обязана бугриться мускулами. Значит, сверкающие латы отпадают, они пока будут в седельной сумке. Парня придётся одеть в скромный, но благородный костюм из хорошо выделанной кожи. Сверху, понятно – жилетка, а снизу – штаны. Жаль, что во времена рыцарей не носили шорты: красивые обнажённые руки должны прекрасно гармонировать с обнажёнными ногами. Эти ноги, естественно, крепко охватывают шелковистые бока роскошной лошади. Верный конь тоже бугрится мускулатурой и сверкает прекрасно выделанной, ой, пардон, вычищенной шкурой. Меч и другая экипировка рыцаря, конечно, тоже великолепны. Интеллект героя так и сияет в его серо-голубо-зелёных глазах, которые иногда вспыхивают отвагой или страстью (тоже в зависимости от сюжета).

А ничего парень получился, так и хочется его на подвиг отправить. Ну что же, мой рыцарь, вперёд, в рассказ, и да сопутствует тебе неизменное внимание читателя!

В придорожном трактире было сильно накурено, а покрытый опилками пол, казалось, впитал нечистоты всех пьяниц этой деревни. Рыцарь устало сидел на грязной лавке, которая местами прилипла к его штанам, доедал подгоревшее мясо и уныло прикидывал: комната для ночлега здесь, наверное, тоже грязная. Даже если он устроит большой скандал, неряха-трактирщик вряд ли найдёт ему что-то почище. Лучше бы он переночевал на лесной опушке, там, по крайней мере, нет клопов! И что его понесло в этот гадкий трактир? Оказалось, понесла судьба. Донесла, усадила и теперь потирает ладошки, наблюдая, как к рыцарю опасно приближаются два человека весьма затрапезного вида. Высокий, худой, смуглый и горбоносый – первый. Коренастый, низенький и более светлый – второй. Казалось, все дороги мира оставили грязные следы на их одежде. На лицах отпечатались тени всех пороков, возможных в данную эпоху. Они уселись за соседний столик и завели между собой разговор о прекрасных принцессах, пленённых злыми драконами. Худой рассказывал плотному историю за историей, и рыцарь невольно прислушался, следя за сюжетом. Закончив трапезу, он прихватил свой кувшин вина и подсел к бродягам.

– Ты складно врѣшь, грязнуля!

– Счастлив услужить господину рыцарю! – худой встал и поклонился.

– Ладно, садись. Можешь даже налить вина. Так говоришь, здесь водятся драконы? Попробуй не соврать на этот раз, просто для разнообразия!

– Хорошо, господин рыцарь, я скажу правду. Но ведь она может оказаться не такой красивой, – длинный коротко взглянул в глаза собеседника, – а иногда даже опасной...

– Кто там смеет болтать об опасности в моём присутствии? Тебе лучше начать историю, пока я не рассердился!

– Простите моё невольное промедление, господин рыцарь. Я не сомневаюсь в вашей силе и храбрости, но ведь есть силы...—Огромный кулак грохнул по столу. Бродяги вскочили и побледнели. Рыцарь молча закипал, и худой поспешно заговорил:

– Недалеко отсюда, всего в двух дневных переходах, есть старинный замок. Владеет им знатный и богатый лорд. Ещё неделю назад украшением замка была его дочь, и все сокровища лорда не могли сравниться с её красотой. Ах, господин рыцарь, если бы вы видели эту девушку! – длинный закатил глаза и сладко причмокнул. – Вы бы никогда не забыли её, как не смогли забыть четыре благородных графа, её соседи. Но я немного отвлекся, прошу прощения ... – бродяга закашлялся и отхлебнул вина.

– Однажды девушка вышивала, сидя у окна своей башни, а четыре влюблённых графа под окном старались привлечь к себе её внимание игрой на лютне. Вдруг из грозовой тучи к окну опустился ужасный дракон. Он схватил девушку своими когтистыми лапами и улетел прочь. Целую неделю рыдает её безутешный отец, и целую неделю нет вестей о благородных юношах, которые отправились на поиски девушки.

– Несомненно, рассказ хорош... но ведь ты обещал не врать?

– Я не посмел бы, ваша милость! – бродяга не выглядел ни правдивым, ни напуганным. – А не случилось ли господину рыцарю пройти сегодня утром через большую деревню? И не заметил ли господин рыцарь, что жители этой деревни были чем-то взволнованы?

– Не заметить было невозможно! Эти болваны сбежались на деревенскую площадь и галдели громче своих гусей!

– А не послушал ли господин рыцарь, о чём гудела деревня?

– Да за кого ты меня принимаешь, дурак? У меня нет никакого желания прислушиваться к их гудению.

– Конечно, я вас прекрасно понимаю. Но мы с приятелем, в отличие от вас, только скромные странники. Мы подошли и послушали. Один из крестьян громко плакался о том, что огромный дракон унёс его корову! Прямо на глазах у хозяина, подхватил и уволок! И утащил её прямо вон к тем горам. Вы не туда ли направлялись, благородный рыцарь?

– Да, примерно в ту сторону... придётся навестить эти горы. Но если я не найду там дракона, если тебе вздумалось пошутить... – бродяга опять побледнел и забормотал что-то, уверяя его в своей искренности. Рыцарь зевнул и, вспомнив о грязной комнате для гостей, решил отправляться немедленно и заночевать в лесу. Оставив бродяг допивать своё вино, он вышел, стремительно вскочил на коня и пустил его быстрой рысью. Вскоре деревня скрылась за ближайшим поворотом, конь постепенно перешёл на шаг. По дороге наш герой размышлял, какими приёмами боя может владеть дракон, вспоминал истории о драконах. Он уже видел себя победителем, а дракона – распростёртым у своих ног, жалобно молящим о пощаде. Почему-то эта мольба была выражена изящными стихами. В сумерках рыцарь выбрал у дороги пригорок с чистым и звонким ручейком, расседлал коня и развёл огонь. Лёжа в траве у костра, он любовался роскошным закатом и попил из походной фляжки вино. Вдруг небо у края леса перечеркнула чёрная тень. Взмахивая крыльями, на рыцаря нёсся дракон! Рука невольно потянулась к мечу. Момент был крайне неудачен! Доспехи бесполезной грудой лежали в сумке, а меч он воткнул по другую сторону костра. Почти не поднимаясь с земли, рыцарь прынул к мечу, слегка обжёл колено, но даже не заметил боли. Рукоять скользнула в руку, мощный торс напрягся – рыцарь был готов к бою. Медленно и грозно подняв взгляд – о, какой силой и уверенностью светился этот взгляд, – он проводил им спину и виляющий хвост улетающего дракона. Боевая ярость клокотала в крови и просила выхода, с мощного разворота рыцарь снёс мечом пару не тонких деревьев. Постепенно он успокоился и решил, что всё к лучшему. Завтра он встретится с драконом во всём блеске своего оружия и доспехов. Огорчённо оглядев прожжённую дыру на коленке, наш герой завернулся в свой походный плащ и преспокойно уснул. Утро выдалось дождливым. Седлая коня, он думал о том, как благодарна будет ему спасённая девушка, а потом и её отец. Далее мысли перешли в приятные мечты, и рыцарь перестал замечать холодный дождик, стекающий противной струйкой между лопаток куда-то к хвосту. Лошадиному.

Вскоре он достиг подножия гор и сразу увидел чёрный зев пещеры. Склон был очень крутым, к пещере не было ни одной тропинки, и рыцарю пришлось оставить коня у подножия горы. Полюбовавшись своими блестящими латами, наш герой тщательно оделся и взмахнул мечом. Он был готов! Одним мощным рывком, даже не запыхавшись, рыцарь оказался у тёмного входа и осторожно заглянул внутрь. В полумраке на середине пещеры слабо желтела небольшая куча монет, а у дальней стены спала... девушка? Нет, пожалуй, девочка лет шести-семи. Её бледное личико чётко вырисовывалось на фоне тёмного камня. Слегка разочарованный, рыцарь хотел вынести её на свет, но тут над его головой захлопали огромные крылья. Дракон снижался стремительно и грозно. Выскочив на площадку перед пещерой, рыцарь встал в боевую стойку.

Дракон опустился на землю и удивлённо замер, разглядывая гостя. Не тратя понапрасну слов, наш герой пошёл в атаку. Дракон неуверенно попятился и вдруг, издав пронзительный звук, взлетел. Богохульно выкрикивая имена всех известных ему демонов и их родителей, рыцарь смотрел на дракона, который нарезал круги над его головой. Ну, и как прикажете с ним сражаться? Как же побеждали драконов герои легенд и преданий? Допрыгивали? Или драконы раньше были глупее, и сами пёрли на меч? Наконец рыцарь устал вращать мечом и ругаться, а дракон, наверное, летать (хотя кто их, драконов, знает?) Опустившись на приличном расстоянии, он вновь уставился на рыцаря. Приехали. Поединка не будет, можно уходить. Но тут наш герой вспомнил о маленькой беззащитной девочке, несомненно, заколдованной драконом, и гневно крикнул:

– Отдай ребёнка, уродина, и убирайся, откуда не звали! – славный меч угрожающе описал дугу. Дракон замахал крыльями и начал издавать какие-то звуки. Благородная ярость вновь наполнила душу нашего героя. Одним прыжком преодолев разделяющее их расстояние, он бесстрашно бросился на врага. Меч летел прямо под челюсть дракона. Удар, несомненно, был смертельным, и радость победы уже зарождалась в окованной сверкающим металлом груди. Но тут его ногу повело в сторону, рыцарь поскользнулся на размокшей под дождём почве и со звоном рухнул на землю. При этом он зачерпнул забралом липкой грязи, которая сразу залепила ему нос и рот. Не успел он проплеветься и осознать всю чудовищность поражения, как почувствовал, что мощные когти схватили его поперёк панциря и над ним захлопали огромные крылья. Полёт продолжался совсем недолго, не успел рыцарь произнести парочку отборных ругательств, как его уже бережно опустили на землю. Он тут же вскочил. Сильная рука продолжала сжимать верный меч, гнев клокотал в его груди и просил выхода. Ещё не всё потеряно! Мгновенно обернувшись, он увидел, что дракон опять стоит вне пределов досягаемости его меча, грустно свесив голову.

– Ну, и кто на этот раз у нас в гостях? – раздался за спиной спокойный голос. Великолепный прыжок в сторону – и в поле зрения оказался богато одетый мужчина преклонного возраста, высокого роста и с красивой густой бородой. В его руках не было оружия, и рыцарь, сразу угадав в нём хозяина дракона, опустил меч.

– Господин рыцарь, не угодно ли вам омыть разгорячённое схваткой лицо? – без всякой насмешки продолжал старец. – Я могу предложить вам только скромный ручеёк.

– Этого совершенно достаточно, – не совсем учтиво буркнул рыцарь и сердито наклонился над ручьём, чтобы отмыть отчаянно грязное лицо и руки. Благородный гнев всё ещё бродил в нём, постепенно укладываясь, как усталый пёс. Но собеседник был так безукоризненно вежлив и любезен, а дракон так явственно поджимал хвост в его присутствии, что

любопытство рыцаря разыгралось не на шутку. Пока он отмывался, мужчина говорил что-то дракону на незнакомом языке, а дракон тихо и виновато пищал ему в ответ. Наконец старец обратился к рыцарю.

– Прошу прощения за неудобства, доставленные вам моим учеником. Конечно же, теперь я вынужден, – он бросил выразительный взгляд на дракона, – объяснить вам ситуацию. Мы – вовсе не жители вашего мира. Но мы можем путешествовать по различным мирам, в том числе и по вашему. О, только с познавательными целями, поверьте мне. Информация... гм, баллады и легенды о каждом мире тщательно собираются и хранятся в специальных хранилищах. Дело в том, что вот это непослушное существо, – снова выразительный взгляд, – с раннего детства полюбило ваши баллады. Он просто зачитывался сказками о драконах и отважных рыцарях. И однажды, придав себе этот облик, просто удрал! – голос старца наливался гневом и горечью. – Удрал в ваш мир! Даже не выучил языка, придурок! – дракон обиженно заскулил. – А если бы тебе вот этим мечом досталось, умник? И ходили бы потом местные крестьяне в очень крепких кожаных штанах из чьей-то шкуры!

Голос старца звенел неподдельным гневом. Дракон что-то робко свистел в ответ.

– Но благородному господину, наверное, не известно, что ваш ученик похитил у крестьянина корову? Если он так полюбил наш мир, то чем же он надеялся там питаться? Красть крестьянский скот?

– О краже не было и речи. Он честно уплатил стоимость животного золотом. Так? – дракон понуро кивнул. – Вероятно, корова была общественной, а деньги переданы крестьянину без свидетелей...

– А зачем же он утащил в свою пещеру бедную девочку, дочь местного графа? Или за неё он тоже уплатил золотом? Ведь не съесть же он её хотел?

Дракон и старец вновь посвистели на своём языке.

– Я в затруднении, уважаемый рыцарь. Конечно же, мы не едим разумных существ, это было бы страшным грехом. Но в нашем языке нет аналога его действиям, я не могу их объяснить. Если вы удовлетворены по всем остальным вопросам, то я хотел бы откланяться, а этот балбес обещает доставить вас к пещере и там представить доказательства своей невиновности. Потом он вернётся обратно и больше никогда не побеспокоит ваш мир. Уж об этом я позабочусь!

Дракон обрадовано закивал, а старец, пожелав рыцарю всего хорошего, стал медленно спускаться по тропинке. Опасливо, бочком подойдя к рыцарю, дракон взлетел и осторожно прихватил его лапами. Внезапно глаза нашего героя заволкло туманом, а когда он проморгался – увидел площадку у пещеры, на которой так позорно поскользнулся. Дракон осторожно поставил его на землю и мотнул головой, приглашая в пещеру. Рыцарь вошёл и остановился, привыкая к полумраку. У входа сразу раздалось хлопанье крыльев – это дракон сбежал в свой мир. Ну

что ж, так даже лучше, можно разобраться спокойно. Он подошёл к лежащей девочке. Она была чудо как хороша! Бледное лицо обрамляли золотистые кудри, прекрасное платье охватывало стройную фигурку. Рыцарь подхватил её и вынес из пещеры. Проклятье! Сто тысяч молний на уродливую драконью голову! Его руки сжимали прекрасную... куклу!!! Дракон просто раздобыл себе игрушку! Так значит, вдохновенный рассказ о дочке графа оказался чистейшим враньём! Ну, бродяга, погоди! Пойдите, но ведь дракон сюда больше не вернётся? Значит, симпатичная кучка золота на полу пещеры никому не нужна? Почти бегом он вернулся в пещеру. Проклятье! Сто раз по сто тысяч проклятий на головы воров! Пока он беседовал со старцем, кто-то преспокойно унёс всё золото! Бродяги, больше некому! Скорее в погоню! В несколько мощных прыжков скатившись с горы, рыцарь – о, чёртова куча проклятий – не нашёл на месте своего верного коня! Вместе с ним исчезло золото дракона и небольшой запас его собственных денег. С тяжёлым стоном он повалился лицом в мокрую траву.

Печально звякая прекрасными, но изрядно испачканными доспехами, по дороге медленно брёл очень усталый рыцарь. Бедный мой рыцарь, мой идеальный герой! С другими авторами тебе везло гораздо больше. Там твоя прекрасно развитая мускулатура, отточенные до совершенства боевые рефлексy и воля к победе всегда находили восторженных почитателей. Признаюсь, это слегка раздражало, и мне захотелось немного поиздеваться над самым крутым парнем всех времён и народов. Но ведь не настолько же! Да и привыкаешь невольно к человеку, разделяя все его мысли, беды и радости. Прости своего ехидного автора, рыцарь, и пусть за ближайшим поворотом тебя ожидает чистенькая корчма с одинокой симпатичной хозяйкой или гостеприимный барон, который всегда рад благородному гостю. И после сытного ужина с лёгким или не лёгким вином пусть в нашем мире появится ещё одна быль об ужасном драконе, отважном рыцаре и прекрасной принцессе! И, пожалуйста, постарайся быть счастливым!

Дарья ОРШАНСКАЯ

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Жили-были на свете Боги-Творцы.

Творцы они были, потому что им положено было творить. Вот они и творили: кто лес, кто море, кто – город, кто – страну, а кто – целую планету с людьми и животными.

Работу свою Боги любили. Им было интересно, кто из людей чего хочет. Увидели, что кому-то нравится тепло, – и сделали везде лето. Увидели, что кто-то прячется в тенёк, ища прохлады, – сделали зиму.

Среди Творцов был один маленький Бог. Этот маленький Бог очень любил ледяную ключевую воду. Он часто играл с ручьями, а они, будто добродушные щенята, ластились к нему. Этот Бог и придумал зимой снег! Все остальные Боги были в восхищении. Такая красота! А то раньше зимой было совсем неинтересно, просто холодно, и всё...

Маленький Бог был очень горд своей придумкой. Он часто спускался на землю, одевшись, как и все люди вокруг – в тёплую куртку, ботинки, штаны и вязаную шапку с помпоном – и стоял посреди улицы, глядя в небо, откуда падали пушистые хлопья снега. Особенно он любил это делать вечером, в свете фонарей. Все принимали его за простого мальчишку, и никому до него не было дела...

Восхищённая его задумкой, ещё одна Богиня придумала листопад. «Это тоже снег, – говорила она, – только не холодный, а золотой, багряный, оранжевый!» Тётушка маленького Бога придумала капель весной. «А что, – сказала она, – по-моему, очень даже неплохо!»

И всё было бы хорошо, только Боги уж очень увлеклись творением таких вот маленьких чудес. Они придумали прибой на море, и красивые звёздные ночи, и свежий ветерок по весне... Они придумали камин, санки и лыжи, придумали книги и дни рождения, новый год и подарки... И тогда вышестоящие Боги заметили, что эти Боги-Творцы уж слишком увлеклись.

Эти вышестоящие Боги строго предупредили Богов-Творцов, чтобы те не увлекались... но они не послушались. Творцы были рады своим маленьким чудесам, они чувствовали себя маленькими детьми, у которых хотят отобрать любимую игрушку...

Вышестоящие Боги рассердились. Они поняли, что их уговоры ни к чему не приведут. И тогда они лишили их способности творить, а потом взяли и поселили этих Богов на созданной ими же планете, оставили их наедине с теми чудесами, что они сотворили... впрочем, нет, не наедине. Ведь на этой планете уже жили люди, для которых и старались Боги...

С тех пор прошло много лет. Боги-Творцы постепенно вымерли. Они придумали множество легенд для своих детей, пытаясь оправдать своё присутствие на этой планете: и про звёздный ковчег, и про волшебный сад, и ещё много-много других... Правда, эти смешные люди опять всё переврали, и получилось как-то не так...

Боги потеряли возможность творить миры в настоящем. Им остались лишь те миры, что они могли воплотить своей фантазией...

Тем не менее, то там, то тут блеснёт лучик света. То прозвучит берущая за душу песня, то кто-то напишет удивительный роман, то просто стих... И ты вдруг поймёшь, что это они – потомки Богов-Творцов, они здесь, среди нас, мечтают, живут, творят... Поэтому не удивляйтесь, если вдруг

увидите на запорошенной снегом улице фигуру мальчишки, стоящего под серым небом и упорно ловящего ртом снежинки... Может быть, он – потомок Творцов, и он только теперь понял: как же это сладко и больно – Творить...

СТРАШНЫЙ ВАМПИР

«...Он повернул голову от своей жертвы и взглянул на неё. Облизнул языком перепачканные в крови тонкие губы. Оскалил в улыбке белоснежные зубы...

Она, часто дыша от страха, попятилась назад. Шаг за шагом, пока не наткнулась на кирпичную стену. Её волосы развевались на ветру; она боялась, и боялась так сильно, что казалось, будто сердце выпрыгнет сейчас из груди...

Он, опустив руки ладонями вниз, шагнул к ней. С кончиков его пальцев капала алая кровь...»

Я прекратила печатать, чтобы взглянуть на часы. Ого, уже полдевятого! Засиделась я на работе, да-а... Но мы с шефом поспорили, кто получит на новом литературном конкурсе в Интернете одно из первых мест, и я не могла сдаваться! Конкурс был на лучший фантастический рассказ, и назывался то ли «Золотая калоша», то ли «Серебряный валенок». В общем, это было дело чести!

С шефом мы как-то странно сошлись во вкусах на любимую литературу – фантастику, причём даже наши фавориты совпадали: Лукьяненко, Олди, Стругацкие, Лукины... тем более, что расходились мы с ним по возрасту совсем не намного: шеф был старше меня лет на пять-шесть, не более. Вот и начались у нас баталии. Рыцари пера и клавиатуры!

Ну Орден Святого Бестселлера, что ни говори...

Быстро сохранив напечатанный файл, я скинула его на дискету и побежала за курткой. Придётся тревожить старенькую вахтёршу...

...На улице было холодно. Что вполне закономерно – январь. Но погода для января не совсем привычная: ни ветра, ни вьюги, только белый снежок, падающий на плечи...

Я поймала на варежку снежинку и принялась её рассматривать. Вот красота, настоящая снежинка! А такие выпадают не так уж и часто, обычный снег – это либо мельчайшая ледяная крупа, либо большие хлопья, где снежинки смешались настолько тесно, что их уже не отличишь одна от другой.

...Свет фонарей... прямая дорога и тротуар, на котором, как ни странно, в этот час почти уже никого нет... пара-тройка молодых влюблённых парочек да какая-то старушка с бульдогом...

Смешной такой бульдог, в вязаной кофточке и носочками на лапах...

– Алина!

Я обернулась, услышав своё имя. От здания фирмы бежал мой шеф-любитель фантастики, на бегу вдевая руки в рукава пальто.

– Опять без шапки, Виктор Максимович, – упрекнула я.

– Конечно, – обезоруживающе улыбнулся он. Шеф мой – вполне симпатичный человек, у него длинноватые русые волосы и очень светлая кожа... и глаза огромные, в них, наверное, утонуть можно... вот поэтому я и не пытаюсь завести с ним роман. Мне кажется, это может плохо кончиться...

И вообще. Каким бы он не был обаятельным, он – мой шеф! А романчики на работе не входят в моё амплуа.

– Ну как твой рассказ? – я уже зашагала вперёд, и он теперь приспособивался к моему неспешному шагу, то чуть отставая, то, наоборот, убегая вперёд. – Я старался! Я очень хочу победить тебя и завоевать этот несчастный «Валенок»!

– Калошу, – поправила я.

– А уверена? – улыбнулся он. Я засмеялась.

...Нет, Виктор Максимович, каким бы симпатичным вы ни были, не нравитесь вы мне. Вот и отстаньте...

...Мы уже не торопились по домам – мы гуляли под кружащим в стоячем воздухе снегом. Фонари освещали улицы, мы смеялись, и, наверное, со стороны выглядели как обычная влюблённая парочка...

...Брр, чего это я?! Нет, это всё вампиры. Ведь вампиризм по сути своей – очень притягивающий. Манящий, в чём-то эротичный... Хотя нет, почему в чём-то? Когда жертва ждёт укуса – разве это не чистое либидо, разлитое в крови? Разве не желает жертва укуса столь же страстно, как невеста – своей первой брачной ночи? Как юноша своего первого поцелуя, как своего первого свидания... Страх есть, да, его и не может не быть. Но за страхом этим скрывается ожидание величайшего наслаждения в жизни – и перед этим никто не может устоять...

...Наверное, я ему нравлюсь, думала я. Ну и пускай. Женщине же надо кому-то нравиться...

Я взглянула на шефа – чуть лукавым взглядом, из-под ресниц, надеясь сразить наповал... а он уже уставился на приближающихся к нам парней. Я чуть нахмурилась и тоже повернула голову...

На первый взгляд это были самые обычные молодые люди. Четверо парней, одетых не богато и не бедно, в стандартные зимние куртки – тёмно-синие, чёрные, тёмно-зелёные... Но мне не понравились их глаза. Они смотрели на нас не то чтобы жадно – а как-то похотливо, так, как голодные псы смотрят на сочный кусок мяса...

...А мы вчера с девушкой по парку гуляли. Так на нас напал маньяк!! – Что, сексуальный?! – Нет, бисексуальный!!

Мне стало как-то странно весело и страшно. Необычная смесь... а парни тем не менее остановились, всё так же не отрывая от нас своих взглядов.

...Ну вот, хулиганы. Сейчас зарплату отберут, разденут и изнасилуют... интересно, обоих?! Что там ещё входит в список профессиональных страшилок мам и друг?

Боже мой, страшно-то как...

...А они приближались. Как-то очень неторопливо, и с нетерпением. Они двигались к нам, а мы не делали ни шага. Ни движения. Мои глаза словно застыли на их лицах. На обнажённых в оскале клыках...

Это что, какой-то род гипноза?! Да кто они такие?! Я перевела взгляд на шефа – и увидела, что он уже не стоит на месте, а, как сомнамбула, движется вперёд. Прямо в руки этим незнакомцам...

– А почему он? – возмутился кто-то из парней.

– Девушку на потом, – облизнулся другой.

– И учтите, – повысил голос ещё один, – что мужчина нам нужен. Мы должны его обратить. А девушку можно выпить досуха...

– Отлично... – оскалился в усмешке один из них и нагнулся к податливому телу жертвы. Он наклонился – я не видела, что он делает, – а когда выпрямился, губы его были в крови.

И тут меня словно бы током ударило. Вампиры!

Я судорожно рванулась на негнущихся ногах куда-то вперёд, в сторону дороги, ступая прямо в сугробы, не думая ни о чём, не чувствуя ничего, кроме того дикого желания оказаться где-нибудь подальше от этого места, которое овладевало мной всё сильнее и сильнее...

– Эй, она порвала связь! – вскрикнул один из парней. Он принял безвольное тело моего шефа из рук товарища и удивлённо констатировал:

– Уходит!

...Да, ухожу... вернее, убегаю, а точнее – стараюсь бежать, потому что ноги отказываются слушаться, а каблуки проваливаются в мягкий снег...

– Догоните её! – услышала я за спиной. И, насколько смогла, попыталась убыстрить своё продвижение вперёд...

Я выбежала на дорогу. Тормознуть кого-нибудь? Нет, ни одной машины! И вообще – ни души вокруг, даже обратиться за помощью не к кому!

Я, не помня себя, изо всех сил побежала на другую сторону дороги. Оцепенение мало-помалу проходило, мысли возвращались в норму...

...Только вот теперь я слышала за спиной торжествующие вскрики и топот парней-вампиров, бегущих за мной. И не могла не понимать, что шансов оторваться от них у меня нет вовсе...

Я в страхе зажмурила глаза. Мамочки!

И не заметила, как налетела и уткнулась носом во что-то мягкое.

Ой, или в кого-то...

Я разлепила ресницы. Оказывается, я умудрилась налететь на какого-то мужчину. Причём мой лоб упирался ему в живот. А если учесть, что я совсем не низенькая, да ещё и на каблуках, представьте себе, какого он роста...

Я, опешив и забыв даже о преследующих меня вампирах, отскочила в сторону. Потом подняла голову...

Это был очень высокий мужчина. Стройный и красивый... От него веяло каким-то очарованием... и, вместе с тем, – могильным холодом. Он был одет в чёрное длинное пальто. Свет от фонаря падал на его лицо, и я даже успела рассмотреть эти странные острые черты...

...Блин! Вампиры!!!

Я резко обернулась. Трое парней стояли за моей спиной, нервно глядя на высокого незнакомца. Тот, казалось, был само спокойствие. Он не делал ни движения. Парни, чем-то явно испуганные, тоже. Лишь одно моё дыхание, горячим облачком висевшее в воздухе, нарушало внезапно навалившуюся тишину...

Первыми не выдержали вампиры.

– Она наша, – нервно выпалил один из парней. – Про них нам сказал хозяин!

– Неправда.

Голос незнакомца был негромким, глубоким. Довольно приятный, нужно сказать, голос... но на вампиров он подействовал не хуже кнута.

– Это... мы... наше право...

– Вам сказали обратить одного лишь мужчину. О девушке не было сказано ни слова.

Он не спрашивал, а утверждал. И вампиры как-то стушевались под его взглядом, насупились... Они уже готовы были уйти, как один вдруг не выдержал:

– Но это же наша добыча! Ты же знаешь законы! *Даже ты* не имеешь права отобрать её у нас!!

Вампиры застыли, с ужасом глядя на своего товарища. А у того во взгляде был вызов – но смотрел он почему-то не на высокого мужчину, а прямо себе под ноги.

– Ты отвечаешь за свои слова? – осведомился мой спаситель. Вампир угрюмо молчал.

– И вы поддерживаете его?

Тишина. И робкие взгляды вампиров...

– Давай! – крикнул вдруг один из них, и вся троица бросилась к нам.

Я не успела даже вскрикнуть, как почувствовала сильный толчок под рёбра. Я прокатилась по заснеженной дороге и мешком свалилась в сугроб, успев услышать тихий чуть лукавый шёпот:

– Не мешай... и лучше не смотри...

Пожелание я выполнила полностью: обхватив голову руками, упала в снег. Ну их нафиг, эти геройства! Они не для писателей!! Пусть всем этим настоящие герои занимаются... вроде вон того, в чёрном пальто.

Сначала я слышала шуршание, непонятные стуки и вскрики. Потом всё прекратилось. Я выждала ещё минут пять на всякий случай и открыла глаза...

...И тут же пожалела, что это сделала...

На дороге стоял мужчина – мой защитник... перед ним лежали трупы трёх вампиров. В том, что они трупы, сомневаться не приходилось – слишком страшны были раны... Но ладно, это я бы ещё как-то выдержала. Но стоящий над ними мужчина не держал в руках ни ножа, ни пистолета, ни какого-либо ещё оружия... оно ему просто было не нужно. Он стоял и глядел на убитых. А с узких ладоней его капала на снег тёмно-алая кровь...

...а потом он поднял руку и аккуратно облизнул пальцы. Повернулся ко мне. Губы его были перепачканы кровью...

...Я, забыв обо всём, понимая, что бежать некуда, просто смотрела на то, как он приближается ко мне, глядела в его лицо, думая о том, что он ведь на самом деле очень красив, и что, будь бы он человеком, возможно, в него можно было бы влюбиться...

Он подошёл ближе. Сел на корточки. Аккуратно приподнял подбородок и будто принялся что-то искать в глазах.

Я не знаю, что он мог там увидеть. В сердце было абсолютно пусто. Мне не было страшно. Мне уже почему-то было всё равно.

...Похоже, он не увидел того, чего искал. По крайней мере, глаза его стали разочарованными. Но лицо никак этого не выражало.

Я ожидала чего угодно. Удара, укуса в шею, чего-то ещё... не знаю. Но он сказал:

– Леди, могу я проводить вас домой?

...Прошло три дня с того страшного вечера. В конце концов, я всё-таки решила выйти на работу, хотя всё равно до сих пор хочу взять расчёт... Секретарша Сонечка (ей, кстати, давно за пятьдесят) ласково пожурела меня за столь долгое отсутствие, хотя я и звонила ей, ссылаясь на болезнь... мы вместе выпили чаю, а когда я уходила, из кабинета выглянул шеф Виктор Максимович. Увидев меня, он улыбнулся. Не знаю, может быть, мне показалось, но я на какую-то секунду явственно увидела в глазах его багровый отблеск, а в улыбке – блеск отточенных клыков... можете считать меня трусихой, но я тут же ушла. Вот так.

Рассказ мой не занял на конкурсе первое место. Он вообще никакого места не занял, потому что я его даже не отправляла. А вот рассказ шефа занял там седьмое место. Рассказ, кстати, был об оборотнях...

Хреновый из меня, наверное, писатель... Хотя...

Проходит время, но я ничего не могу забыть. В частности – из-за шефа. Пропасть между нами всё больше и больше, я просто не могу разговаривать с ним так, как раньше... когда я рядом с ним, мне кажется, что от его тела тянет могильным холодом, а от его слов – трупным смрадом. Возможно, мне всё это кажется, но...

...Но есть ещё кое-что, что не даёт мне стереть тот вечер из памяти. То, что утверждает меня в моих подозрениях. То, что не даёт просто спокойно пожить...

Это подарки.

Маленькие подарки, которые я иногда нахожу под дверью, а иногда получаю по почте. Все они подписаны инициалами «Д. В.», а на конвертах обычно нет обратного адреса.

Вчера под дверью я нашла диск с непонятным мультфильмом. На обложке был изображён оскалившийся дядька с крестом в зубах. «Хеллсинг». Хм, не смотрела раньше японские мультики... зря, наверное.

Сегодня я обнаружила у двери небольшую чёрную книжку. Золотыми буквами на ней было вытеснено имя автора и название. Брэм Стокер. «Граф Дракула».

А уж произведений Энн Райс у меня уже целая куча...

Но, благодаря случившемуся, я знаю точно одну вещь... я хочу посвятить всё своё свободное время изучению вампиров. Истокам вампиризма. Я хочу больше узнать о нём, об этом моём загадочном спасителе.

Хотя он очень напоминает мне одного персонажа книги Стокера и главного героя из мультфильма «Хеллсинг»...

...Я не знаю, чего он от меня хочет, но...

...Он снится мне по ночам. Я чувствую прохладу его кожи, острую отточенность клыков у своей шеи...

Во сне я умираю от желания почувствовать их прикосновение. А когда просыпаюсь – радуюсь солнцу и по-прежнему хочу остаться человеком...

...Я закончила свой рассказ. Начала писать роман. Не знаю, закончу ли его, но с нетерпением жду следующей «калоши», чтобы представить своё творение на суд достопочтенной публики...

Алла МОЖДЖЕНСКАЯ

КАК ОТЕЦ АГАФАНГЕЛ ПИСАЛ СТИХИ

О. Павлу Баженовских посвящается

Однажды отец Агафангел решил написать стихи, а затем издать книгу и подзаработать денег (теща второй год требовала стиральную машину). Для такой благой цели отец обзавелся настоящим гусиным пером и для правдоподобия вымочил бумагу в чёрном чае, отчего она стала похожа на настоящий пергамент. Но, по недосмотру или ещё какому-либо греху, он вымочил листок в клетку, и теперь она – клетка – предательски просвечивала через этот загар.

Для того чтобы поймать вдохновение, отец Агафангел подошел к окну и встал, как Пушкин на литографии, в профиль, закатил томно глаза и

принял вдохновенный вид, подняв руку с сухим пером на уровень головы. Вдохновение что-то не приходило... Он поднял брови, не открывая глаз, вероятно, думая, что это может помочь. Но вдохновение всё так же не хотело махать стихотворными крылышками.

Отец Агафангел сдался. Он просто сел за стол, обмакнул перо в чернила, набрал в грудь воздуха и... Проклятое вдохновение опять запаздывало! В раздражении отец бросил перо на ковёр, забыв, что чернила имеют нехорошее свойство растекаться пятнами.

Чуть было не вспомняв чёрта, как он это частенько проделывал во дни своей юности, отец принялся посыпать пятно всеми сыпучими средствами, которые только попадались под руку: и женина пудра, и «Комет», и соль, и перец, и проч., и проч., и проч.

Пятно хладнокровно торчало посреди ковра, убеждая в прозаичности жизни.

Махнув рукой на все попытки убрать пятно, отец Агафангел просто постелил поверх горки сыпучих тел газету и упорно стал продолжать искать вдохновение.

Вспомнив, что Александр Сергеевич многие стихи посвящал дамам, отец тоже стал подыскивать даму сердца, которой он мог бы посвятить пару-тройку стихов. Но в голову почему-то упрямо лезли лишь две хорошо знакомые ему женщины: его собственная жена – Евдокия Ивановна и теща – рябая Матрона Кузьминична. Выбрав из двух зол наименьшее, отец Агафангел стал вспоминать облик горячо любимой жены, дабы описать во всей красе её прелести. После долгих и мучительных поисков отец придумал рифму «бровь-морковь» и вывел двустишие:

Твоя изящнейшая бровь
Наводит мысли на морковь!

От удовлетворения отец Агафангел потёр вспотевшие ладошки: дело, кажется, пошло. Муза, хоть и немного капризничала, но всё же прилетела. А рифма вышла удачная: Дуся всё-таки любит овощи.

Следом за первой рифмой пришла и вторая: «кровь-свекровь», но отец Агафангел, испугавшись, решил воздержаться от подобной уголовщины.

Надо было придумать ещё рифму, но дело что-то не шло. Отец начал от нетерпения дёргать себя за ус. Рифма не приходила, а ус был уже почти выдран.

Но тут на ум пришла спасительная идея: он вспомнил, что, кажется, у Бунина, было такое стихотворение из одной строчки:

О, закрой свои бледные ноги!

Теперь следовало по аналогии настрогать таких вот «белых стихов». Страниц 50-го он сможет обеспечить. И родилось:

О, побрей, наконец же, подмышки!

О, заплати за меня ты в ресторане!

О, пойдем: мы прополоем картошку! И т.д., и т.п.

В итоге, когда вечером домой заявила жена отца Агафангела, то весь ковёр был завален такими мадригалами, а сам отец мирно спал на столе, блаженно улыбаясь одним усом. Заподозрив неладное, Дуся стала разгребать всю эту макулатуру, пока не натолкнулась на огромное чернильное пятно. Огрев мужа по шее эпитрахилью, она вынесла все стихи во двор и сожгла, невзирая на слезливые причитания мужа о том, что в своем Отечестве пророка, как всегда, нет. Она ему отвечала на это, и вполне резонно, что и в других отечествах не слишком-то густо.

А за ковёр отцу Агафангелу всё-таки попало, и пришлось ему со следующей зарплаты покупать новый.

Так бесславно начался и так бесславно закончился творческий путь отца Агафангела.

Сергей ЗАГНУХИН

СЁСТРЫ ПО РАЗУМУ

Вакуум бывает разный... Например – творческий. До окончания подачи работ на конкурс один день, а путных мыслей – кот наплакал... Вы видели, как плачет кот? Я – нет. Глаза-то у кошек слезятся иногда, но поговорка ведь не об этом. И тема вроде, как всегда, достаточно интересная, заслуженная можно сказать: «Братья по разуму», а в голове мумифицированными горошинами только пара каких-то банальностей катается... дельфины – обезьяны... обезьяны – дельфины... да ещё пингвины от мозжечка изредка поклёвываются. Но и эти робкие комочки замыслов, при ближайшем рассмотрении, тают поздневесенними сосульками под лучами здравого смысла. Покурить на балкон выйти, что ли? Авось осенит чем.

Ноги в чёрные пластиковые сланцы, семь шагов до двери по изрядно замусоренной ковровой дорожке, петли скрипят – кто бы смазал.

Заполночь. Носки третий день сохнут, при такой-то погоде ещё неделю будут – дожди без конца... Забытые на верёвке? Тьфу ты – шизофрения... Хотя Анерсен смог бы, который Ганс Христиан... или Ханс Кристиан?... Да всё едино, я-то ни тот ни другой. Во дворе только деревья да машины. Несколько героически выживших в промышленном мегаполисе карагачей с клёнами да плотно сгрудившиеся между ними на ночёвку автомобили... Деревья и машины?.. Но первые уже охвачены каким-то любителем природы, а вторых я не люблю с детства, даже не мечтал никогда иметь эту не роскошь, а средство передвижения, поэтому и не разбираюсь в них совершенно. Дохлая идея.

Луницца почти полная, бр-р, холодно то как, всего плюс три – для первых чисел сентября почти экстрим. Кроме гусиной кожи и озноба ничем не осенило. Быстрее назад, пока вместо вдохновения не схватил каких ни то микробов. Этих даже Франциск из славного города Ассизи

братьями не называл. Ну святой-то и не подозревал об этих милых зверушках, а я вот знаю, да не назову, даже в фантастическом рассказе.

Семь обратных торопливых шагов, секундное раздумье перед уже остывшим колченогим стулом, тоскливый взгляд на девственно чистую вордовскую страничку не успевшего погаснуть монитора, ещё четыре шевеления ногами в сторону старого доброго диванчика. Сланцевые тапочки долой. Не всё ли равно, где ждать схождения творческой благодати. А предаваться думам (хм, с мороза Шалдорновым штилем) на мягких подушках наперстника многих дум, снов, радостей и несчастий, надеюсь, будет ничуть не хуже, чем за, уже маленько опостылевшим, компьютером, да ещё после балконно-уличной стылости-то.

Сразу кошки набежали. Старая мирно свернулась в ногах, а молодая мечется беспокойно, оттаптывая хилую грудь вдоль и поперёк, мявкает чего-то. Консервы открывать не пойду – кормил уже. Ну вот и озабоченная устроилась наконец, оккупировав живот приятной тяжестью своей тёплой пушистости. Про вас, что ли, написать? Порадовать форумских родственниц Матроскина... А на что хватит моей бедной фантазии без живительной ауры вдохновения? На бледные разговоры про рыбку-мясо да фальшивые псевдо-страдания вынужденного к аскетичности основного инстинкта. Да меня закидают виртуальными тапками все кошачьи нашего фэндома и не только они, лучше не искушать судьбу. Ну и тоже занята ниша-то.

Да так ли необходимо участвовать в этом турнире? Вот Гаррич приводил главку из Олдевских «Десяти искушений юного публиканта» о подводных камнях увлечения конкурсами. Очень полезная книжка. Да вот только у Генри Лайонов очень своё представление об этом персонаже. По их мнению, юный публикант – это чел, опубликовавший одну-две-три и более книги. Что-то среди наших я таких не наблюдал, или, может, кто хорошо маскируется. Для нас-то форумные ристалища – хороший повод совершенствовать свою графоманию, да ещё и с гарантированной критикой. Без отзывов я бы и участвовать вряд ли стал, рецензии и обсуждение – главный стимул постучать по клавише и инструмент творческого роста. Жаль, что Пересмешник-то и самоустранился от сей нелёгкой миссии.

Или начинающему автору лучше помолчать, когда нечего сказать? Да вот не верю я, что нормальному человеку нечем поделиться с народом. Уж по крайней мере хоть одной-то титанической идеей каждый осенён. И всегда есть возможность попробовать донести её, пропустив через любой конкурс. Вот как наши любители хохло-москальских разборок способны сесть на любимого конька почти в любой теме. У кого что болит, тот о том и заговорит, воспользовавшись мало-мальским поводом. Хм, в армии, например, с чего бы ни начался разговор: с козлов начальников, политики или космоса, к концу каким-то хитрым траверсом всегда выкруливает на женщин. Конечно, фанатиков одной идеи у нас и не наблюдается особо.

Все достаточно разносторонние личности. Ну уж в самом крайнем случае стоит попотеть из одного олимпийского принципа: «Главное не победа, а участие».

А уж если вдохновение пришло, все мучения окупятся сторицей. Это сладкое томление где-то внутри, этот приятный зуд нетерпения в кончиках пальцев, это чувство лёгкости в голове, этот поток гениальных (как верится) мыслей, которые вот-вот заструятся на бумагу (монитор) и оставят на ней сияющую бессмертием нетленку. Всех, всех мучений стоят эти редкие, увы, моменты. Какие там наркотики, какое опьянение сравнится с этим. Разве что любовь из этой же когорты божественных безумств. Конечно, потом может оказаться, что и прекрасная дама обычная стервоза, и навалял ты полную фигню. Но это всё потом, после приступа. Тогда и нужно садится и трезвым умом править родившийся текст, исподволь дожидаясь нового прилива творческого экстаза (а вот с прелестницей лучше расстаться навсегда).

Что-то лежание на диване загнало поток сознания совсем в далёкую степь. Прости, киса, полежи-ка одна на диванчике – побреду на своё лобное место, попробую ещё раз.

Братья по разуму – братья по разному – братья и сёстры – сёстры и братья – сёстры по разному – сёстры по разуму. Забавно, почему говорят только «братья по разуму», а куда же сёстры делись. Опять дискриминация по половому признаку? Вот интересно известны ли в классической литературе нечеловеческие существа исключительно одного пола...

Из мужских только сатиры да кентавры сходу вспомнились, у последних, вроде, точно подруг не было, не зря же они у лапифов женщин похищали. А вот однополые представительницы прекрасного пола?..

Амазонки не прокатывают. А вот сирены вполне подходят и русалки ещё... да как-то не очень приятные персонажи... всё куда-то мужичков заманивали... О! Музы всегда женщины. Вот кого мне сейчас не хватает. Жаль, не сохранился рецепт приманивания муз, может на шоколад... так нет сейчас шоколада. А если просто позвать?

– Муза моя, где ты?

– Да здесь я, давно уже.

Последующее перемещение в пространстве как-то выпало из памяти. Опрокинутый стул да болтающаяся на своём шнуре мышка свидетельствовали о его материальности и поспешности. В голове воцарился новый вид вакуума – полнейший, походя засосав просто творческий. Остальное же тело бросало то в жар, то в холод. По спине, животу и прочим поверхностям испуганного хранилища духа бегали, разнообразные по крупности и неопределимые по температуре, мурашки. И не мудрено – на дешёвенькой колоночке, справа от монитора, болтая ножками, сидело вызываемое создание... Вопрос-то, признаюсь честно,

был чисто риторический – от безысходности. А теперь куда деваться – распишитесь в получении. Может просто мерещится?

С квартирой, порядком захламлённой хрущовкой, вроде, всё нормально. Телевизор на тумбочке, где и был: в углу у балкона. Дверь в спальню закрыта. Диван тоже на месте, кошки проснулись, но спокойны – смотрят на меня вопросительно, гостью то ли не видят, то ли знакомы. Книжные шкафы, шифоньер и прочая, более мелкая, домашняя шелупонь без изменений: в прежнем беспорядке населяет квартиру. Компьютер тихонько гудит под столом. А на колонке, в белом хитоне, ростом с Дюймовочку из старого советского мультика, Она – моя Муза. Явилась на зов.

– А я никуда и не девалась, давно тут сижу, – явно прочитав мои мысли живо откликнулось прекрасное виденье, – решила показаться, раз просишь: может хоть это поможет сдвинуть тебя с мёртвой точки.

Дыхание вроде нашлось, молчать глупо, пришлось выдать:

– Я рад, – голосом выздоравливающего тифозника.

– А коли рад, садись на прежнее место, зачем через всю квартиру-то, не укушу. – И засмеялась, наполнив всё пространство серебряным колокольчиком своего голоса.

Резонно. Глянув в зеркало, на свою ошеломлённую физиономию, словно набираясь решимости для первого шага (трельяж на месте, в коридорчике между прихожей и кухней, куда меня и занесло), походкой бредущего на эшафот двинулся поднимать поверженный стул.

Сел, всё-таки подальше. Если вдруг диктовать начнёт, всегда успею подвинуться.

– Мы не диктуем – мы вдохновляем, а шывекры уж будьте добры сами творить, – тут же откликнулась Муза.

Похоже не шиза, там голос, вроде, внутри звучит, а тут в самой что ни на есть снаружи, и звонкий такой, задорный. Пора принять эту реальность данную мне в ощущениях. И вполне симпатичная реальность, греческая классика, прям как на картинках рисуют. Вот только маленькая больно.

– По Сеньке и шапка, – ехидно не заржавело за гостьей с Парнаса, – вырастишь талантище побольше, и патронессу дадут посолидней, а то и двух.

– А кто даст? – само собой вырвалось у меня.

– Кому положено, тот и даст. – И уже вполне серьёзно: – Давай договоримся, вопросы смысла жизни, существования Бога и устройства мироздания затрагивать не будем.

– О чём же тогда?

– Вот по теме твоего конкурсного рассказа и пообщаемся.

Хм... да я вроде и не надумал ещё ничего... или уже, только сам об этом не помню? Какая дребедень у меня там вытанцевалась... сёстры по разуму, что ли? О музах? А что, вроде соответствует. Только я о них и не знаю ничего. Или спросить?

– Вот-вот, уже теплее.

Муза вспорхнула на монитор, в руке у неё появилось миниатюрное подобие учительской указки, а ведь вроде только что сжимала под мышкой какой-то лироподобный инструмент явно музыкальной направленности.

Мой милый профессор, между тем, начала свою минилекцию по музоведению, размеренно расхаживая вправо-влево:

– Люди отличаются от животных способностью создавать новое. Каждый человек обладает потенциалом к творчеству, только в разных областях и не в равной мере. Вот, чтобы не дать зарывать эти таланты в землю и существуют музы. Стихийные музы просто поддерживают общий вкус к новизне, этакий творческий зуд. Мы же – специализированные, скажем так, вдохновляем созидателей в своих епархиях, стараемся вырастить даже самые робкие ростки. Нас много, очень много, никак не девять. Клио, Полигимния и прочие – это просто как цеховые имена.

Неожиданно Муза замолчала и, усмехнувшись, добавила:

– На этом и закончим; смотрю глазки заблестели – остальное, если нужно будет и сам подумаешь.

– Погоди, погоди, а что, человек с большими способностями может и не реализовать их? – Почему-то этот вопрос взволновал меня больше всего.

Собеседница горько вздохнула:

– Да сплошь и рядом. Если бы ты знал какая когорта наших бьётся сейчас за потенциального Пушкина... А он со страшной силой кроссворды отгадывает... Ну, не будем о грустном. Ты-то давай поливай свой росток, возвращай дерево.

– Да не успею я – срок-то почти истёк, а у меня замыслы долго вызревают.

– Ну, поделись с народом – как ты не написал рассказ. Заодно передай от меня привет конкурсантам, читателям и критикам вашего Фензин Форума, а так же их музам.

– А что, у читателей и критиков тоже есть музы?

– Конечно! У талантливых – обязательно. Да они и сами сродни музам, раз вдохновляют вас творить. Так что вперёд. И помни – я здесь.

ИСПОВЕДЬ ГРАФОМАНА

Пользы для смертных от пенного пива

Меньше, чем многие мнят;

Чем больше ты выпьешь, тем меньше ты можешь

Собственным духом владеть.

(«Старшая Эдда» Речи Высокого)

Слушайте, пииты и прозаики, почитал я ваш форумок, этот тупичок непризнанных гениев и недорезанных талантов, любителей порассуждать о великом, добром и вечном. Окинул одним глазом ваши бессмертные

шыдевро и перемывание косточек злобных крытегов. Заценил ваши смешные потуги погугарить о судьбах высокой литературы и слонимоськовские статьи о мэтрах словесности... и... нашёл на меня странный стих поделится наболевшим, излить, так сказать, душу, предостеречь от этой тропинки собратьев по несчастью.

Внемлите жгучему глаголу старого графомана с большой буквы Г, ибо тёмную сторону силы чую я во многих из вас: зависть, тёмная, поросшая змеями Медузы Горгоны зависть выглядывает из-за плеч ваших, сочась ядом злобы и ненависти и задыхаясь от собственного бессилия и творческой импотенции...

Право имею вещать я об этом,

Скорбный сей путь до конца одолев.

Был молодым я когда-то, подающим надежды в плетеньи словес, но трудиться усердно, талант кропотливо лелея не сдюжил, гордо достигшим высот возомнил себя. Тщетно славой толкаем на постамент самомненья сам я себя и воздвиг... о нет... опять рецидив и симптом, попробую без растеканий и завихрений...

В общем, пописывал в меру сил, а штудии свои мало-помалу стал считать гениальными, отсутствие же признания списывал на происки более удачливых завистников и, сам не заметив как, пропитался этой самой завистью, к попадавшим в тираж счастливым, по самую маковку.

В это же время, на волне наступившей после перестройки свободы совести и всяческих исповеданий, увлекло меня язычество. Не наше: самодельно-фольклёрное или по откровениям непонятно из какой дыры на лыжах выруливших волхвов, а настоящее, исторически достоверное – германо-скандинавское. Всяческими правдами-неправдами нашёл единомышленников, таких же ушибленных, но горящих неподдельным энтузиазмом. Запоем штудировали: обе Эдды, песнь о Нибелунгах, Беовульф, саги, да всё, что смогли достать, руны заучивали, как первоклашки алфавит. Списались с ребятами в Скандинавии и Прибалтике, благо с языками у кое-кого из наших было всё почти так же олл райт, как у Шампольона.

И ведь поверил во всё это, несмотря на тяжёлое советское прошлое, а может благодаря... Парадоксы сознания – тёмный лес.

Особенно вдохновила меня легенда про мёд поэзии и запала мыслишка выпросить у Высокого хоть глоточек. Зрела эта идея, зрела, и в один, далеко не прекрасный момент – прорвалась, как перезревший чирей: с лихорадочностью больного диареей, спешащего сами понимаете куда, кинулся реализовывать: оформил визу – международные связи, как никак, наскреб по сусекам минимальную сумму в денежных знаках, имеющих хождение за пределами отчизны, запасся картами и отбыл в сторону острова Одина – Оденсхольма.

Судьбоносный день выдался ненастным. Друзья, втайне доставившие меня на этот, заповедный ныне, клочок суши, попытались ещё раз отговорить – куда там.

Оставшись в одиночестве, нашёл уединённый мысочек на берегу, до вечера выкладывал из камней круг и руны, умолчу какие, и прихлёбывал из фляжки напиток, состав также скрою за кадром. К полной темноте развёл три костра и начал рецитировать гимн, словами которого с вами опять же не поделюсь, не из жадности, а дабы избежать соблазна слабых сердцем.

Небо разразилось нешуточной грозой; перекрывая завывания ветра строфы приходилось реветь раненой белугой. Впав в неистовство берсерка во вспышках чудовищных молний, бичующих море как ленивого вола, заметил я приближающегося старца. Отец Асов снизошёл до меня в образе путника: синий плащ развевался на ветру, войлочная шапочка, два чёрных ворона на плечах взмахивали крыльями при особенно сильных порывах. Подойдя, Великий Один, опираясь на копьё-посох, левой рукой протянул мне кованую чашу с вожделенным мёдом:

– Пей, смертный, мерой да будет мудрость твоя.

Трясущимися руками схватив чашу и забыв об осторожности, я осушил её до дна, неотрывно глядя на Мудрейшего из богов.

С каждым глотком облик его менялся: лицо вытянулось и похудело, исчезла борода, огненно-рыжие волосы опустились ниже плеч, из-под них выглянули заострённые, такие сейчас рисуют у эльфов, уши. С ужасом я узнал коварного Локи. Страшно хохоча, он выкрикнул мне страшный приговор:

– Жадный глупец! Мог ли Отец Богов наградить священным мёдом завистника. Достался тебе отстой рифмоплётов. Знаешь о нём? Ненасытностью же своей меру отмерил страданиям ты!

Выронив чашу, с ужасом схватился я за голову: «Бурда графомании», так могли бы назвать теперь эту часть мёда, извергнутую на землю Одним через задний проход, когда в виде орла уносил он напиток вдохновения, украденный у великанов.

Но всех последствий я тогда и представить не мог.

Первый приступ настиг меня уже по дороге на родину: исписал все случившиеся у меня блокноты, тетрадки и салфетки малохудожественной ерундой.

Дальше больше: всё свободное время стало улетать в бездонную трубу графомании. А ведь нужно было сии творения ещё и кому-то поведать. Жена сбежала через месяц, родные и знакомые перестали заходить вовсе и меня к себе в гости пускать тоже. С работы «ушли» меня через полгода.

Интернет очень выручил: зарегистрировавшись на куче литературных сайтов под разными никами строчу теперь прямо в сети, не утруждаясь черновиками. Устроился ночным сторожем в контору, где есть доступ к паутине. Деньжат поднакоплю и куплю себе дешёвенький нетбук, чтобы

и в пути не терять время. Не могу не творить, неудержимый огонь бурлит внутри и требует выплеска наружу в виде стихов, поэм, романов, статей, эссе и... сообщений на форумах...

Так-то братцы-кролики... Сказка ложь... но на ус мотайте.

КОРТИК

НАДО ПИСАТЬ!

Ночь. Тихо спокойно. Все, кроме голодных нетопырей, спят. А я – не стандарт, сижу на полу в своей кухне, обхватив колени руками, и улавливаю пролетающие мимо мысли. Мысли летают мимо, а в голове только одна: «надо писать». Тишина, только где-то вдалеке шуршит колесами проезжающий транспорт и ветер ворошит густую листву тополей. Сижу, слушаю, наслаждаюсь, надо писать. Хватаю за хвост пролетающую в опасной близости мысль и бегу с ней в комнату. Распахиваю дверь, включаю свет, бегу к столу, сажусь, хватаю ручку... мысль вырвалась и убежала. Сижу расстроенный некоторое время. Потом беру всё с собой и иду на кухню. Поняв, что стены давят на мозг, наливаю чай и открываю окно. Высунувшись в окно с кружкой в руке, любуюсь почти полной луной. Под её необычным светом мокрые крыши домов кажутся серебряными. Стою, смотрю, любуюсь, «надо писать...» – звучит в голове. После этой фразы понимаю, что мысль ушла недалеко и, видимо, возвращается. За секунду до её возвращения обжигаюсь горячим чаем и роняю кружку с третьего этажа. Слышу под собой характерный звяк, и думаю: «надо писать». Глубоко вздохнув роняю своё тело на стул, и пять минут ни о чём не думаю. Единственная мысль, пришедшая за это время: «впустую трачу время, когда надо писать». Беру ручку и собираюсь писать... Чувствую возле ног что-то тёплое и мягкое. Кошка. Прожив с этой наглой подлизой два года, я уже точно знаю, чего ей надо. Достāju из холодильника какую-то пакость и бросаю ей. Похоже понравилось, ибо отстала. Мысль, видимо, решила уже не возвращаться, поэтому сажусь и силою возвращаю её на законное место. Пока мысль думает «возвращаться или нет», рисую себе табличку:

НАДО ПИСАТЬ !!!

С этим не поспоришь, да и мысль вернулась. Сажусь, пишу первые несколько букв, и ручка выпускает свой последний вздох. Хватаю со стола другую – не пишет, хватаю карандаш – сломан. Подрываюсь и бегу в комнату, в темноте протягиваю руку к подставке и натываюсь на циркуль. Нашариваю в темноте несколько ручек и возвращаюсь обратно. Естественно, мысли уже нет, вернее, она есть, но только труп. Рука болит, мозги кипят, нервы лопаются, спать охота, а писать надо. От нечего делать сижу на полу в кухне и выкладываю замысловатую фигуру из

остатков спичек в попытке вернуть мысль к жизни. Не канает, но зато хоть отвлекся. Сижу, жду, ругаюсь, надо писать. Обхватываю руками колени и вспоминаю...

...как ...долго ...тянется ...время...

БАХ, мысль вернулась подобно раскату грома, в порыве безумия хватаю первое, что попало под руку, тянусь к тетради, начинаю писать, И ГАСНЕТ СВЕТ...

Стою, вглядываюсь в идеальные облака, внутренний голос говорит:

– Надо писать.

А я улыбнувшись отвечаю:

– Кому надо?..

Анатолий ВЕРЕЩАГИН

МУЗА

Муза начала хаметь. Раньше как было дело? Муза приходила вечером, на ночь глядя. Мы с ней весело проводили время до трёх часов ночи, потом ложились спать. Второго же мая Муза пришла в пять часов утра. Я болел с похмелья. Она же, такая-сякая, пришла, ткнула большой авторучкой в бок и сказала: «Вставай алкаш. Бери авторучку и принимайся за работу». Я пробовал отказаться, ссылаясь на головную боль и позывы на рвоту. Прятался под одеяло, но Муза была неумолима. Она сказала, что мы вместе похмелимся и всё равно возьмёмся за работу. Изверг. Оказывается она сама отмечала праздник трудящихся в компании молодых дарований, где напилась в стельку и теперь пришла ко мне опохмеляться. Я не знаю – какие это писатели и поэты, композиторы и художники, но пить крепкие напитки они явно таланты. И надо обладать немалым талантом, чтобы до такой степени напоить Музу, что она ни свет ни заря ищет, где бы опохмелиться. К сожалению, опохмелиться у меня было нечем. Ведь русский человек пьёт либо сколько может, либо сколько есть, из-за одной рюмки не хочет себя и растравливать. Данная ситуация была из разряда «сколько есть». У нас ближайший магазин, в котором продаются опохмелители, находится в десяти километрах от деревни. Поэтому нам с Музой пришлось опохмеляться рассолом, крепким чаем и ныранием головой в ведро с холодной водой. Теперь мне самому интересно, что же у нас получится, когда Муза закончит сушить волосы и мы возьмёмся за работу. Тьфу, рожа-то какая противная, опухшая, небритая. Не буду больше смотреться в зеркало.

ЖАЛОБА

О, какая же я бездарность! Бездарность! Бездарность! Ни слова, ни строчки!

Трудно в современном мире эмоциональному сочинителю. То ли дело раньше! Напишешь не то, зачиркаешь со страшной энергией, схватишь лист обеими руками, изомнёшь, порвёшь, скомкаешь и запустишь им в угол. Глядишь и полегчает. Можно ещё ручку погрызть, сломать, выбросить, схватить другую.

А теперь... Давить на клавишу – стирать неудачный текст – никакой экспрессии, никакого удовлетворения... Бросать, крушить клавиатуры – слишком накладно. Мониторы, ноутбуки – того глупей. Только и остается вскакивать и биться головой об стену.

Трудное настало время для творчества.

Надежда КАЛАШНИКОВА

ЦЕНА МАДОННЫ

На улицу шумного и блестящего городка Урбино вышел мальчик. Тёплый ветер Италии треплет чёрные кудри, душистая олива склоняет ветви к самому лицу, словно хочет спросить: «Почему ты так грустен, малыш? Ты ещё мал для печали, а мир огромен и прекрасен». Да, мир прекрасен. Но нет рядом той, что подарила его.

Мама... Куда ты ушла? Куда унесла тепло рук, нежность взгляда, волшебство смеха? Дом опустел без тебя. Не радуется буйная южная природа, не манит гомон и смех на площадях. Даже краски отца из мастерской – настоящие, доподлинные краски художника! – уже не сияют магическим блеском.

Мать нужна человеку всегда. А в четыре года – особенно. Именно столько сейчас мальчику. Вечером отец скажет ему, что мать, конечно, в раю, на небе. Да, на закате Средневековья люди всё ещё были религиозны. Вопрос в том, насколько это их утешало...

Шли годы. Мальчик подрастал. В нём обнаружился талант к рисованию. Отец отдал его в мастерскую учеником к известному мастеру. Творческий рост, со всеми его взлётами и срывами, подражанием и неутомимым поиском – себя, истины, пойманной на кончик кисти красоты – шёл своим чередом. Но навсегда застыло, отпечаталось где-то на подкорке детское горе. Чувство опустевшего внезапно мира. Мира, где нет матери.

И он пытается наполнить эту пустоту. Рисует мать с ребёнком – в разных ракурсах и сюжетах. По канонам эпохи и жанра – Богоматерь с

Иисусом, но как-то в это не верится. Слишком женственен образ Мадонны, слишком много волнения и нежности в её очах и движениях, чтобы не узнать в ней земную женщину. Да и младенец обычный – голопузый, с раскинутыми ручонками и любопытными глазами. Никакого намёка на божественность.

...Признанный и востребованный художник, он пишет картины разнообразных жанров. Наверное, многие работы хороши. Но где проявилась вся сила таланта, всё обострённое чувство прекрасного – это, безусловно, в «Мадонне». Одной из Мадонн, ставшей венцом деятельности художника и всей его недолгой жизни.

Потом скажут и напишут много красивых словечек: «шедевр мирового искусства», «сверкающий камень в ожерелье Возрождения», «порыв вдохновения»... Слова, может, и правильные. Но неинтересные. Когда же, навошмищавшись картиной, мужчины говорили своим любимым: «Ты чиста, как Мадонна. Ты прекрасна, как она», – это было комплиментом не только женщинам, но и создателю картины.

Бежали годы, проплывали столетия. Век диких войн и революций стал одновременно веком гуманизма, пересмотра отношения к человеку. Теперь в любви объяснялись по-иному.

Посмотри, как я люблюсь тобой –
Как мадонной Рафаэлевой.

Главное – земной настоящий человек! Живой и тёплый. А не нарисованный, будь хоть трижды шедевром. Так? Так. Только будучи в здравом уме, отрицать искусство тоже никто не будет – без него нечем станет подпитываться этому самому настоящему человеку. А мне интересно: написал бы Рафаэль свою «Сикстинскую Мадонну», если бы у него была мать, как почти у всех нормальных людей? Его бы вообще эта тема привлекла? Это же не так, что взял кисть и – бах, шедевр готов. Таким манером только разная шедеврятина лепится. Чтоб чего-то вышло хорошее, его сперва в себе таскаешь, на своей шкуре чувствуешь-испытываешь, душой и кожей с ним срастаешься...

Подтверждается извечный принцип: сапожник без сапог. Чтоб воспеть материнство, надо осиротеть. А как же тогда быть с живым человеком? Который платит эту цену. Игра стоит свеч? Если сказать об этом урбинскому мальчику, боюсь, он не поймёт. Понимал ли он это во взрослом состоянии? Я не уверена.

В наш век гуманизм набирает ещё большие обороты. По крайней мере, так принято считать. А ткни чуть поглубже – беззащитен человек, и в суд подавать не на кого... Не Господу же Богу иски вчинять, бесполезное это занятие.

Гляжу на «Сикстинскую Мадонну». Рядом – «Автопортрет» Рафаэля. Перевожу взгляд с одной работы на другую и думаю: кому же из них повезло больше? Картине или художнику? Картина признана, музей, где она висит, набит туристами, репродукции по всему свету разлетелись...

Полотну лучшей судьбы трудно пожелать. А художнику? Я не о буйной биографии Рафаэля, а о тех чувствах, том пласте жизни, что затронут в его шедевре...

Мадонна, какую цену ты за себя требуешь?

Анастасия РУССКИХ

ОШИБКА

Жил-был на свете Сказочник.

По вечерам он садился за большой письменный стол и начинал придумывать волшебные истории – одна другой веселей и красивее. О том, чтобы они были поучительными, Сказочник не заботился. Поучать ведь должны Учителя, не правда ли? А Сказочники – это люди совсем иной профессии.

Иногда он пересматривал то, что написал, и находил, что какая-то мораль всё же сюда вкралась. Возможно, это было и неплохо.

Другой раз ему казалось, что мораль получилась странноватая... необычная немного. Если бы это прочёл какой-нибудь Учитель, то, может быть, он такую мораль бы и не одобрил. Но ведь Сказочник писал не для Учителей, а для Детей.

Если воображение отказывало Сказочнику, он тоже не унывал, соглашаясь с тем, что и добрым феям шептушкам-на-ушко иногда нужен роздых. Тогда он брал свои черновики, испещрённые правками, и аккуратно переписывал всё начисто в большую тетрадь. А когда лишних черновиков становилось слишком много, он садился с ними перед печью, сминал ненужные больше листы в комки, бросал их по одному в печь и потом поджигал. И не закрывал заслонки, а так и сидел, подставив лицо пышущему из печи жару, – и представлял, будто вместе с жаром исходит оттуда, возвращаясь к нему, израсходованное Вдохновение; выплывают, освободившись из чернильного плена, розовые корабли, вылетают синеглазые птицы... – чтобы, смешавшись вновь в породившее их радужное море фантазии, дать после начало чему-нибудь другому, чему-нибудь ещё более прекрасному и новому.

Однажды жена Сказочника перебирала свои хозяйственные записки и решила, что большею частью весь этот хлам уже давно устарел. Она собрала всю негодную бумагу, скомкала её и кинула в печь, но сжигать не стала, подумав, что это сгодится хотя бы для того, чтобы хорошо распалить дрова, когда похолодает и настанет время топить дом. Она ведь не была осведомлена о привычке мужа использовать печь не совсем по прямому назначению.

Через несколько дней у Сказочника накопилась небольшая пачка черновиков. Он проделал с ними всё то же, что и всегда, а на то, что в

печи уже лежали какие-то листики, внимания не обратил, честно впитав в себя пламенные испарения всей бумажной горки до конца. Потом он поднялся наверх, в свой кабинет, сел за стол и написал первую строку новой волшебной истории:

«На берегу холодного моря, в убогой лачуге, жил-поживал старый рыбак. И была у него красавица дочь Альвиленна. И вот однажды...»

Тут Сказочник задумался на минутку, почесал в затылке и довершил фразу так:

«И вот однажды пошла она сделать покупки, и взяла зелени на четырнадцать грошей, масла на полтину и на двадцать с половиною грошей круглых булок с сахарною прослойкой; затем вернула долг мяснику и на сдачу выбрала пару кровавых колбасок...»

Перечитав то, что получилось, Сказочник вытаращил глаза, решительно перечеркнул написанное и отложил испорченный лист в сторону, взяв себе новый.

«В далекой заснеженной стране, – вывел он, поразмыслив, – правила в стародавние времена королева по имени Альвиленна. И был у неё ручной барс с изумрудными глазами...»

Сказочник опять погрузился в раздумья, пытаясь досочинить, для каких таких целей служил королеве Альвиленне загадочный барс, и неожиданно приписал:

«...а также подсвечники фальшивого серебра с инкрустацией, 4 шт., лампадная окаёмка-тренога, 1 шт., и столовый сервиз на 6 (шесть) персон из 40а предметов с позолотой и легендарными персонажами в виде украшения».

«Прямо чудеса какие-то творятся сегодня со мной, – подумал Сказочник, разрывая эту бумагу в клочки. – Что за инвентарная книга!»

Он вздохнул, посидел с закрытыми глазами и начал в третий раз:

«В самом сердце неприступных гор, в глубокой тёмной пещере жила могущественная злая волшебница Альвиленна...»

Он посмотрел на это предложение подозрительно, переправил «Альвиленну» на «Альвилинну» и, предоставив руке написать что сама напишет, продолжил:

«...и строила она коварные и ужасные планы:...»

«Ну вот, – подумал тогда Сказочник. – Похоже, дело пошло на лад! Какие же планы строила моя дорогуша Альвилинна?»

(Здесь надобно раскрыть вам, господа, один секрет: многие сказочники любят своих Злодеев ничуть не меньше, а бывает, что и трепетнее, чем Героев, и носятся с ними, словно ревностные мамы с больными и капризными детьми).

«...ужасные планы: – выводила меж тем рука, – навестить тётушку, полить цветы, да не забыть с начала следующего месяца заняться наймом кровельщиков. И – обязательно! – выкупить у займщика медальон! Обязательно!!!»

– Чёрт знает что! – воскликнул Сказочник, опомнившись. – Разве злой колдунье, живущей в каменной пещере, нужны кровельщики? На что они ей?!

Он прислушался к себе: может быть, сегодня неподходящий день? Но писать хотелось.

Сказочник откинулся на спинку стула и задумался, озадаченный. Он был сердит, но не понимал – на кого, и оттого сердился ещё больше.

– Жена, а жена! – крикнул он в открытую дверь. – Принеси-ка мне чайку!

Через несколько минут жена Сказочника поднялась к нему с кружкой чая и, внимательно посмотрев на мужа, заметила:

– Чем-то ты недоволен нынче, душа моя.

– Н-да... – процедил Сказочник сквозь зубы, не слишком уловив, что сказала половина, просто чтобы не обижать её молчанием. – Кровельщики, кровельщики... Неидут у меня из головы эти кровельщики...

– Правда? – удивившись, переспросила жена. – И у меня неидут. Крыша совсем плоха сделалась.

– То-то и оно... – монотонно выговорил Сказочник, размышляя о своём.
– То-то и оно...

– О чём соседи думают, не понимаю! – воодушевлённо подхватила супруга, всплёскивая руками. – Крыша-то ведь одна на всех. Каждый надеется, что этим займётся другой! Видно уж нам придётся.

– Видно, придётся, – на память повторил Сказочник. И подул на горячий чай.

– Надо же, – улыбнулась жена, поправляя украдкой локон. – Какое у нас с тобой взаимопонимание... Это ведь, душа моя, хорошо, когда люди больше молчат, правда? Это ведь значит, что им и без слов всё понятно... А я-то уж сердчала на тебя последнее время!.. Ну, заговорила; пойду, не буду мешать тебе.

Сказочник ещё посидел немного, затем склонился над бумагой и, не торопясь, написал:

«Жила-была на свете добрая женщина по имени Альвиленна...»

Так возник реализм.

Юрий СОКОЛОВ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Сначала он писал рассказ, потом рассказ стал повестью, а повесть переросла в роман. Причина была в главной героине, Кате Осиповой, восьмилетней большеглазой девочке с длинными ресницами и волосами цвета несбывшихся надежд. Он сам её придумал, но придумал так

хорошо, что писать о Кате коротко стало невозможно. Он даже набросал карандашом её портрет. Не удовлетвоваввшись результатом, стал рисовать заново, по-настоящему, и не успокоился, пока Катя не стала как живая.

Последнее было совершенно излишне, поскольку Кате предстояло умереть.

Добрая, веселая история о милой, в меру послушной, общительной девочке – но с плохим концом. Катя смело шла по жизни и рождающимся одна за другой страницам, имела кучу друзей-подружек, была любимицей школьных учителей и гордостью родителей – матери, воспитательницы детского сада, и отца, отделочника-универсала, зарабатывавшего неплохие деньги и бывшего страстным охотником. А в финале она замерзала в зимней тайге, одна, раздетая и обмороженная, так и не найденная поисковыми группами.

«Оттого и вышел роман, – думал Сергей, – что мне слишком нравится описывать её жизнь и очень не хочется писать концовку. Любой эпизод обрастает бесчисленными подробностями. Они не лишние, и делают книгу даже интереснее, но... Но я всё больше привязываюсь к ней. Ещё немного, и я совсем не отпущу её с отцом на охоту. Тогда о чём будет история? Нужно было продолжать писать детективы».

Как он попал в такую ситуацию, Сергей не понимал и сам. Впрочем, он и писателем стал точно так же – не успев оглянуться и понять. Просто, читая очередной томик какой-то криминальной серии, он вдруг страстно захотел сам написать что-нибудь. Может, дело было в коротких, рубленых фразах автора, бивших по его читательскому восприятию как берёзовые поленья, и в полной предсказуемости сюжета; может – в природной импульсивности вкупе с уязвлённым самолюбием. Да ведь школьник лучше напишет! И я смогу! Он сел за компьютер, открыл Word и начал писать, толком не продумав сюжета. Позже всё пришлось переделать, ещё раз переделать и бросить по причине полной безнадёжности. Сергей начал снова, стал выкладывать главы в Интернет. Подправить стиль и грамматику помогли юзеры «Самиздата», завалившие его раздел едкими комментариями. Он опять бросил и начал снова. На сей раз получилось, и Сергей с замиранием сердца отправил готовую рукопись по электронной почте. Хочу быть писателем!.. Пока работал над книгой, он как-то не думал об этом. Теперь желал издания так, словно от положительного решения редактора зависела его жизнь. Молился Богу, в которого толком никогда не верил. Хочу!.. И рукопись взяли. С первого же раза. В первом же издательстве.

Позже взяли и вторую, и третью книги. Бестселлерами они не стали, но и средние тиражи обеспечили Сергею приличную читательскую аудиторию и широкую известность в не столь уж узких кругах. Денег платили достаточно для того, чтобы бросить основную работу, благо ни семья, ни дорогостоящих увлечений Сергей не имел, и в повседневной

жизни был неприхотлив. Четвёртая, пятая книга... Но, посвятив себя целиком писанине, он заметил, как от непрерывного сидения за компьютером садится здоровье. Этого ещё не хватало! Спортсмен-любитель, как-никак, и любитель серьёзный. Чёрный пояс по карате не каждому дают. Пусть жёлтых полосок на нём кот наплакал, но всё же... Сергей навестил родной клуб, в который забыл дорогу вместе с началом новой карьеры, и после заставлял себя посещать его регулярно – два раза в неделю. Восьмая, десятая, пятнадцатая книга... Теперь он писал быстро и легко – с наслаждением.

Но однажды в Интернете ему попала статья, автор которой сравнивал его творчество с работами другого детективщика, весьма нелестно отзываясь о них обоих. Сергей взбеленился. Нет, что касается собрата по цеху, он с автором статьи был совершенно согласен, но сравнивать его – с кем? Да ещё обзывать производителем макулатуры? Схватив один из собственных романов, он пошарил взглядом по полкам и вытащил засунутый в дальний угол экземпляр продукции коллеги, не сразу вспомнив, что это тот самый детектив, с которого столь внезапно началась его писательская карьера. Читая и перечитывая страницы, через четыре часа, немного поостыв, Сергей был вынужден признать – как ни грустно, стиль и содержание романов действительно ничем существенным не отличаются.

Тогда он и начал экспериментировать с рассказами, выбрав в качестве жанра классическую прозу. Получалось так плохо, словно и не писал никогда ничего. Сергей смирился, мысленно надел белый пояс ученика и вновь отправился на «Самиздат». Юзеры были немало удивлены.

«Ну ты даешь, Серёга! Сменил амплуа?»

«Удачи на новом поприще, Сергей!»

«С почином!»

«Надоело звание производителя макулатуры?»

Браться за масштабную вещь он не решался. Издательство требовало всё новых детективов. Ни о каких экспериментах с жанрами там не хотели и слышать. «Поймите же, что ваши читатели привыкли к тому, что вы писали до сих пор. Кто вам сказал, что растеряв старую аудиторию, вы обретёте новую? Нет-нет, будьте добры, дважды в год – минимум... Простите, Сергей, но вы не Конан Дойль. Перестанете публиковаться – через пару лет о вас никто и не вспомнит».

Вскоре у него скопилось множество начатых и не законченных рассказов. День Сергей привычно начинал с просмотра анонсов новостей на главной странице «Яндекса» – искал сюжеты из жизни. Катастрофы, теракты, митинги протеста... «В Нижегородской области обнаружено тело девочки, заблудившейся в лесу». Грабежи, убийства, изнасилования... Коррекционное изнасилование? Это ещё что такое?..

Образ Кати родился в голове сам собой. Бредовая идея – у него никогда не было детей. Он их не слишком и хотел. Как писать, да ещё про

девочку? Но мгновенно придуманный сюжет уже захватил. Получится! Я сумею! Верю, потому что абсурдно!.. Вещь будет называться «Смерть Кати Осиповой». Пусть она будет небольшой. И, конечно, именно с таким прозаическим названием, без всяких выкрутасов. Названия вроде «Новый Чикатило» и «По следам чудовища» мы оставим для коммерции... Хотя, почему оно прозаическое? Пусть читатель с первой страницы ждёт развязки, обозначенной столь недвусмысленно. Короткий злой плевок в лицо миру, в котором до сих пор убивают людей, в котором по отношению к кому-то применяют коррекционные изнасилования, в котором до сих пор теряются и гибнут дети...

Почти сразу Сергей обнаружил, что его героиня не хочет жить так, как он ей предписывает. Она охотно слушалась своих родителей и учителей – но только не его. Сотни вордовских страниц с кривобокими эпизодами были стёрты, десятки документов выброшены целиком в виртуальную корзину операционной системы, прежде чем Сергей признал право Кати на самоопределение. И она отблагодарила автора – словно пригласила его в свою маленькую, но очень насыщенную жизнь, как приглашала к себе домой подружек-одноклассниц. Только подружки вскоре уходили, а он мог оставаться с Катей всегда, быть с нею в любую минуту её жизни и сидеть возле её кровати, когда она засыпала. Только и дел, что записывать по готовому.

Это было необычное ощущение, и Сергей начал понимать, что герои всех остальных его книг по сравнению с Катей – не больше чем марионетки. Он так увлёкся, что не заметил, как абзацы стали превращаться в главы. По мере доработки они выкладывались на «Самиздате», а портрет большеглазой девочки с волосами цвета карандашного грифеля теперь стоял на столе рядом с компьютером в специально купленной для него фоторамке. Число успешно изданных детективов перевалило за два десятка, но это больше не имело значения.

Прошло полтора года, и теперь Сергей знал о Кате всё. Красавица, как её мама, а характером в отца – такая же уравновешенная, обстоятельная и упорная в любом новом деле, будь это вышивание крестиком или штурм твердынь арифметики, которая сперва ей никак не давалась. И в то же время живая, смешливая и непосредственная, как любой ребёнок. Роман шёл к завершению, на «Самиздате» с нетерпением ждали развязки. Финал был продуман до мельчайших деталей. Сергей медлил. Ему не хотелось дописывать короткую Катину жизнь. Кое-как он дошёл до эпизода, где Катя с отцом оказывались в тайге, в охотничьей избушке. Отец часто брал её с собой и раньше. Каково ребёнку всё время в городе?

Время осенних каникул. Ранний снег, ранние заморозки... Чистейший воздух, привычный маршрут. Но на сей раз они в последнюю минуту поменяли планы по совету случайного попутчика в пригородной электричке.

– Ты в Аношкино урочище загляни, – сказал он. – Вот где охота!

– Что-то я про хорошую охоту там не слышал, – усомнился Катин отец.

– А туда городские не заглядывают, – рассмеялся попутчик. – Далеко очень. И волки пошаливают. Правда, не знаю, как ты со своей крохой туда доберёшься. Нет, не пойдёт, наверное...

Катя открыла рот, но не решилась возражать чужому взрослому дядьке с окладистой бородой, только посмотрела на отца в поиске поддержки.

– Она у меня привычная, – успокоил собеседника тот. – С пяти лет с собой беру. Ну, в пять-то мы, конечно, так далеко не ездили... А сейчас Катюшка моя ого какая самостоятельная! Расскажи ей дорогу – сама найдёт своё урочище. А волки – что ж! Волков бояться – в лес не ходить.

Место, действительно, оказалось на редкость глухим. От станции до названной попутчиком деревни доехали на автобусе, делавшем всего два рейса в сутки. В сторону урочища, пока была дорога, их подбросил на тракторе нанятый отцом коренастый мрачноватый мужик. Избушку они нашли. Катя, хоть и не показывала виду, совсем измучилась. Но попробуй, скажи отцу. Пожалеет ещё, и не возьмёт с собой в следующий раз. Поэтому, даже не присев, она зажгла снятую с полки керосинку и принялась растоплять железную печку, стоявшую у входа. Печка, прогоревшая в нескольких местах, отчаянно дымила.

– Давай, давай, хозяйствуй, – подбодрил отец, раскатывая на широких деревянных нарах спальники. – Только смотри, не задуши нас.

– Как разгорится, я дверь приоткрою...

– Зачем – дверь? Вон, окошко волоковое – видишь, задвижкой закрыто. Его и открой.

Дальше всё было просто. По крайней мере так представлялось Сергею, когда он задумал историю. Ночной пожар от выпавшего из печки уголька. Двое усталых путников спят крепко. Катя – та вообще без задних ног. Отец просыпается, когда половина избушки уже объята огнём. Горит потолок, горит дверь, горят запасы хвороста в сенах; горит растекающийся из расплавленной пластмассовой канистры керосин. Печка в избушке дырявая, а крыша хорошая, и всё под ней сухое как трут. Нельзя потушить огонь, нельзя выйти, только и остаётся, как выхватить из спального мешка надышавшуюся дымом, испуганную и полусонную Катю, и вытолкнуть её в узенькое волоковое окошко – высотой в одно бревно и шириной в три четверти. Горит, горит на спине рубашка, горят нары, спальники, пол под ногами; а Катя, стоя босиком на снегу, с ужасом слушает доносящиеся изнутри удары топора, которым отец пытается расширить слишком узкое для него окно; и всё рвутся один за другим патроны. Пылает крыша, трещат стропила, рушится потолок, летят во все стороны головни. Вокруг избушки быстро тает снег, лицо жжёт нестерпимым жаром, а спину холодит зимним ветерком...

А потом Катя ещё долго будет сидеть у догорающих брёвен, понадеявшись, что зарево и дым пожара заметят лесники или жители той деревни, откуда их подвёз тракторист. Да и как ещё согреться без одежды в начале ноября? Когда она решится уйти, огня у неё не будет: спичек нет, а головню далеко не унесёшь. Но она встанет и пойдёт, когда ей станет слишком холодно даже лежа на слое остывающего пепла. А искать Катю начнут нескоро – тогда, когда мать в городе забеспокоится, что нет звонков. И те, кому надлежит оперативно реагировать, будут убеждать женщину, что её муж и дочь просто зашли туда, где не действует сотовая связь, и раскачаются только на второй день; а раздолбай Матюхин, которому следовало бы скоординировать действия частей МЧС и добровольческих поисковых групп, ничего толком не скоординирует, хоть и должен. А Катина тётушка позвонит через пол-страны Катиной маме только затем, чтобы закатить скандал и обвинить сестру во всех смертных грехах; и мама попадёт в больницу с нервным расстройством...

И Катя собьётся с дороги, напуганная одиноким волком – покалеченным волком с перебитой капканом передней лапой, отощавшим и слабым, но всё ещё очень опасным. И единственное оружие, которое у неё будет, это выкопанная из-под снега суковатая палка, потому что ствол отца «тройника»¹, найденный на месте сгоревшей избушки, окажется слишком тяжёл для неё. И когда волк наконец, обезумев от голода, бросится на неё, Катя будет драться с ним и врежет ему с размаху своей палкой по самому чувствительному месту – по носу, а когда зверь повторит попытку, ей снова повезёт, и она врежет ему ещё раз. И этот матерый волчина, сейчас еле живой от недоедания, а когда-то – смелый и безжалостный охотник, отскочит в сторону и заскулит как беспомощный щенок, которого двинули сапогом, чтоб не мешался на дороге. Но совсем он не отстанет, и пойдёт по Катиным следам, дожидаясь момента, когда девочка умрёт. А Катя будет идти по зимнему лесу трое суток без остановки, потому что останавливаться нельзя, потому что тогда замёрзнешь, и потому, что сзади идет волк.

Будь нож, она бы сделала себе из бересты обувь. Из бересты много что можно сделать, но отцов нож она так и не нашла, сколько ни рылась на пепелище, обжигая руки, а когда наткнулась на обгоревшие кости, перестала искать. Из одежды – только трико и футболка. Днём пригревало солнышко и становилось чуть теплее, снег начинал подтаивать. Ночью он застывал, покрываясь коркой, которая ломалась под ногами и резала ступни не хуже бритвы – но кровь из них уже не текла.

На третьи сутки, когда стемнеет, Катя совершенно обессилеет и, раскопав толстый слой палой хвои под огромным кедром, зароется в неё, но в насквозь промёрзшем теле уже не найдётся ни единой калории тепла, чтобы согреться. И удивительно, что ещё бьётся в этом теле сердце и что вдруг потекли из глаз слёзы... И последнее, что увидит Катя, будет силуэт крадущегося к ней волка.

Всё было продумано – всё, но повествование замёрзло гораздо раньше главной героини, и Сергей не находил в себе сил, чтобы его оживить. Несколько дней он мучился, пытаясь продолжить – писал и стирал написанное, потом бросил. Попробовал взяться за очередной детектив, но вышло ещё хуже. Дни складывались в недели, работа стояла. К концу второго месяца полного бездействия Сергей понял – убить Катю он не сможет.

Катя не хотела умирать. Она хотела жить, и он, её творец и бог её мира, ничего не мог с этим сделать.

На третий месяц он сдался. Летит к чёрту весь первоначальный замысел? А кому он нужен, такой замысел?!..

Сергей сел за стол и включил компьютер.

Для начала он открыл документ с рукописью и немедленно удалил в названии слово «Смерть», заменив его на «Жизнь» с восклицательным знаком, хоть и понимал, что его придётся удалить в окончательной редакции. Потом перешёл к последнему эпизоду, в котором Катя и её отец готовились лечь спать. Охотничья избушка с дырявой дымной печуркой, деревянные нары...

– Трико и майку мы оставим, – сказал отец, потрепав Катю по голове. – Не протопился хорошо сруб, остынет быстро, ночью может быть холодно. А носочкиними, иначе резинками надавит. Сейчас я ещё дровец подброшу...

Сергей читал, надолго задумывался, правил, дописывал, пока не дошёл до места, где девочка, почти через десять часов после пожара, уходила прочь от догоревших головёшек. Дальше ничего не было. Дальше была только пустая страница вордовского документа – белая, как мелованная бумага, как снег, по которому шла босиком Катя.

Сергей вернулся по рукописи назад и убрал раздолбая Матюхина, поставив на его место инициативного и умного начальника, который грамотно скоординировал действия поисковых групп из добровольцев с частями МЧС. Он в спешном порядке исправил характер Катиной тётушки. Она стала доброй и отзывчивой. Она не стала по телефону закатывать истерику Катиной маме. Она потратила последние деньги на самолёт, пересекла пол-страны, поддержала сестру морально, и та не попала в больницу...

Нет, не то! Сергей оттолкнул от себя клавиатуру. Совсем не то! Уж проще сразу послать вертолёт к сгоревшей избушке. Или сделать так, что одинокий охотник постучится в дверь тогда, когда только закурится дымок от вылетевшего из печки уголька.

Не так надо, не в этом дело. Оно вот в чём: он не может убить Катю, но не может и убрать эти трое суток перехода по лесу от пепелища до добровольно вырытой могилы в кедровой хвое. Она их уже прошла – если не в романе, то в его мыслях, и эти дни и ночи никуда не денешь.

Сергей вздохнул, посмотрел на стоявший справа от монитора Катин портрет и начал писать. Будто и не было двух месяцев, когда он не мог выдавить из себя ни единого абзаца. Но теперь он перестал быть посторонним наблюдателем, перестал быть гостем в чужой жизни, которого пустили туда и снисходительно терпят постоянное подглядывание. Он стал действующим лицом особого рода – призраком автора, который не оставляет следов в своём собственном романе. Кате сейчас было не до него – впрочем, ему самому тоже. Теперь он пробуждался в объятой огнём избе, его выталкивали через узенькое окошко, а потом он рылся в пепле и головнях в поисках ножа. Он ел кусочки коры с молодых осинок и орехи из палых кедровых шишек; ногтями и зубами рвал обшивку сиденья брошенного на старой вырубке трелёвочника, пытаясь изготовить себе хоть какую-то одежду; брёл по снегу рядом с Катей, вместе с ней дрался с волком, терял последние силы и зарывался в мёрзлую хвою, чтобы умереть.

Какая разница, что телом он остался в своей квартире? Он забывал есть, он забывал спать. Несмотря на то, что на улице стояло жаркое лето, ноги замерзали в тёплых комнатных тапочках, а руки коченели так, что пальцы начинали бестолково тыкаться в клавиатуру, плодя бесконечные ошибки. Сергей шёл в ванну и подставлял руки под струю горячей воды – никакая разминка и гимнастика не помогали. Три дня повествования растянулись на пятнадцать дней работы, и под конец Сергей начал думать, что не выдержит этого похода по зимнему лесу первым.

Дважды за это время прямо над Катей пролетал вертолёт, но оба раза она как на беду оказывалась в слишком густых зарослях и не успевала выбраться на открытое место. И с каждым сделанным шагом она подходила всё ближе к старому кедру, под которым должна была закончиться её жизнь и последняя глава романа. И не виделось никаких выходов, и ничего не придумывалось...

А зачем что-то придумывать? Ничего мне не нужно придумывать! У меня есть моя послушная-непослушная Катя с длинными ресницами и волосами цвета горелого дерева, которая очень любит жизнь, – и этого достаточно. Может, она и заплакала бы перед смертью, да она и плакала не раз в эти дни; но она не останется лежать в тайге, зарывшись в заиндевелые иголки. Она встанет и пойдёт дальше.

Пусть потом смеются читатели на «Самиздате», пусть тычут его носом в тот факт, что ни один человек в таких условиях не выживет; пусть рукопись отвергнет его издательство и забракуют все остальные!

Катя с трудом открывает глаза, помогает себе непослушными руками, разрывая смёрзшиеся от слез ресницы. Красавица как мама, но характер у неё отцов. Поэтому она не умрёт здесь, зарывшись в хвою, и не позволит искалеченному волку себя сожрать. Папа всегда говорил – зимой в лесу нельзя останавливаться, если нет огня, иначе замёрзнешь.

Она пошарила рядом с собой, отыскивая свою палку, и попыталась обхватить её негнушимися пальцами. Медленно поднялась, едва не упав, и упёрлась спиной в ствол кедра, под которым только что лежала. Подошедший совсем близко волк шарахнулся в сторону. Он прекрасно помнил, на что способна эта девочка. Лучше подождать ещё, пока жертва окончательно ослабеет.

Кедровый ствол был таким же мёрзлым, как всё вокруг. Сердце продолжало редкими толчками гнать по венам тяжёлую, густую кровь. Лёгкие расправлялись и сжимались с таким трудом, словно их наполнили мазутом.

Нельзя больше сворачивать, пытаюсь убежать от волка, надо просто идти в одном направлении, только в одном направлении – на север. Так больше шансов наткнуться на какую-нибудь деревню или зимник, по которому возят в деревню сено... Так можно видеть прямо перед собой мох на деревьях и держать направление даже тогда, когда не останется сил думать, как уже не осталось сил бояться.

Катя тоненько всхлипнула, оттолкнулась от ствола, который помогал ей стоять, и побрела вперёд – восьмилетняя девочка с волосами цвета воронённой стали, у которой внутри уже замёрзло всё, кроме души. Сергей сжал и разжал руки, пытаясь восстановить кровообращение в бесчувственных ладонях, и пошёл следом. Сзади, поджимая перебитую лапу, двинулся волк.

И встало солнце, и настала ночь; и ещё раз встало солнце, и опять стемнело; и поздним вечером пятого дня Катя вышла по бездорожью на окраину маленькой деревушки. Далеко справа мелькали фонари очередной группы добровольцев, отправлявшихся в тайгу на её поиски, а где-то за тридевять земель, в райцентре, заменивший раздолбая Матюхина нормальный начальник ругался по телефону с другим начальником, требуя ещё людей и ещё вертолёты...

Катя видела цепочку идущих к лесу мужчин, попыталась крикнуть, но не смогла. Тогда она повернулась и пошла по мелким сугробам к крайней избе, неловко переступая насмерть обмороженными ногами.

Закончив роман, Сергей отсыпался целую неделю. Пробуждаясь от мёртвого сна, он вставал, брёл на кухню, ел, опять ложился, а когда кончились продукты, прогулка до ближайшего магазина оказалась сравнима с выходом в открытый космос – так всё вокруг было непривычно. Чтобы не мучиться с готовкой, он набрал тушёнки, соков, овощных консервов и, вернувшись, выставил всё это на журнальный столик рядом с диваном, поставив туда же чайник и положив консервный нож. Снова ел, спал и смотрел на DVD какие-то тупые зарубежные боевики и комедии, казавшиеся ему сейчас шедеврами мирового киноискусства. При мысли о том, чтобы посмотреть или почитать нечто умное, где надо напрягать мозги, его сразу начинало тошнить. Но уже на

второй день он выложил на «Самиздате» недостающие главы, сменив заодно название романа.

Теперь, несколько прийдя в себя, он зашёл на сайт почитать комментарии, которые сперва хотел было отключить, дабы не тратить нервы, и обнаружил, что над романом никто не смеётся. Некоторые читательницы, напротив, признавались, что плакали в финале, и спрашивали, не случилось ли в жизни Сергея чего-то подобного или, упаси Бог, не попала ли в беду его собственная дочь? Если попадала, то, надеемся, сейчас с нею всё в порядке?.. Какой-то мужчина грубовато возражал дамам, утверждая, что для того, чтобы писать с таким знанием предмета, нужно иметь не одну дочь, а несколько, и все сразу в беду попасть не могли. Когда Сергей написал, что никаких дочерей (как и сыновей) у него нет, ему не поверили.

Редактор, с которым они давно были на «ты», прислал письмо, интересуясь, готов ли очередной роман. Сергей, все последние месяцы кормивший того одними обещаниями, послал в издательство «Жизнь Кати Осиповой» с уведомлением, что ничего другого у него нет и в ближайшее время не предвидится. Последовала вполне предсказуемая реакция: «Серёжа! Ну что за фокусы? Под каким видом мы это подадим читателю, как ты думаешь? Ты у нас детективщик, и вдруг – такое!» Сергей написал, что он больше не детективщик – начиная с этого романа. В ответ пришёл отказ в публикации – первый в его практике – и сдержанное требование возвращения к исходному жанру «или, хотя бы, чему-то близкому». В качестве поблажки предлагалась параллельная переработка истории о Кате – «раз уж она тебе так дорога» – с введением новых действующих лиц и дополнительной сюжетной линии на правах главной.

Сергей крепко задумался. Задвинуть свою героиню на задний план? Отдать её на переработку?.. Встал от компьютера и подошёл к полке, где выстроились в ряд книги, кормившие его последние годы. Потрогал корешки авторских экземпляров. В конце концов, быть издаваемым писателем и просто писателем – не одно и то же...

В открытое окно задувал тёплый летний ветер, так не похожий на ледяной сквозняк, тянувший между деревьями тогда, когда он шёл по тайге вместе с Катей.

– Это точно, – сказал он вслух. – Совсем не одно и то же...

Вновь подойдя к столу, Сергей кликнул мышкой по кнопке «Ответить» и быстро написав: «Менять содержание не согласен», нажал «Отправить», даже не поставив подпись. Откинулся на спинку кресла и посмотрел на Катин портрет.

– Может, прорвёмся, – сказал он, закрывая вкладку и переходя на домашнюю страницу. – Не хлебом же единым, верно? Добрались же мы с тобой до деревни... как и до конца романа. Доберёмся и до его издания. Давай, попробуем?

И невольно вздрогнул, увидев на виджете почты «Яндекса» уведомление о новом письме. Только что непрочитанных писем в почтовом ящике не было.

– Очередной коммент на «Самиздате», – буркнул он и перешёл по ссылке.

Однако это был не комментарий. Редактор издательства, в котором Сергей до сего дня и не мечтал печататься, предлагал обсудить возможность издания выложенной в Интернете книги. Не успев дочитать до конца, он нажал «Ответить» и торопливо настучал несколько строчек. Вновь взглянул на портрет.

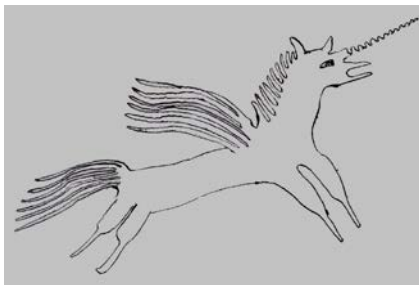
– Что-то у нас с тобой на этот раз всё слишком быстро кончилось, – пробормотал он. – И начать-то не успели толком.

Сергей уже хотел было прикрепить к письму заветный вордовский файл, но остановился, открыл его и, ненадолго задумавшись, приписал в самом начале рукописи: «Посвящается моей героине Кате Осиповой, оказавшей мне неоценимую помощь в создании этой книги».

1 Универсальное охотничье ружье для разноплановой охоты с тремя спяянными стволами – обычно, одним нарезным и двумя гладкими.

Оглавление

Александр ГОЛОВКОВ	
К СЛОВУ О КРИТИКЕ.....	3
ЭТОТ СЛАДКИЙ ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ.....	4
НЕ СМЕШНОЙ РАССКАЗ.....	5
ТПРУНЯ	
ИХ БЫЛО ТРОЕ.....	5
Валерий КОЛОТВИН	
МИР НА ХОЛСТЕ.....	11
Ольга ДУДАРЕНКО	
НАЙТИ СЛОВА.....	12
Евгений ГРЕП	
ДОМ НА КРАЮ СВЕТА.....	14
Петр БУРМИН	
ГОСТЬЯ.....	39
Надежда ДВОРЦОВА	
ЕЩЁ РАЗ О ГЕРОЯХ.....	44
Дарья ОРШАНСКАЯ	
ЗИМНЯЯ СКАЗКА.....	50
СТРАШНЫЙ ВАМПИР.....	52
Алла МОЖДЖЕНСКАЯ	
КАК ОТЕЦ АГАФАНГЕЛ ПИСАЛ СТИХИ.....	57
Сергей ЗАГНУХИН	
СЁСТРЫ ПО РАЗУМУ.....	59
ИСПОВЕДЬ ГРАФОМАНА.....	63
КОРТИК	
НАДО ПИСАТЬ!.....	66
Анатолий ВЕРЕЩАГИН	
МУЗА.....	67
Анна ЧЕРНЫШЕВА	
ЖАЛОБА.....	68
Надежда КАЛАШНИКОВА	
ЦЕНА МАДОННЫ.....	68
Анастасия РУССКИХ	
ОШИБКА.....	700
Юрий СОКОЛОВ	
ПОСВЯЩЕНИЕ.....	722

Издательство «Ник без Сорпані»

Тираж 50 экз.